

**Управление систематизации законодательства и анализа
судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обзор практики *Комитета ООН по ликвидации
дискриминации в отношении женщин* по рассмотрению
индивидуальных сообщений, в том числе поданных в
отношении Российской Федерации**

2023 г.

Содержание:

В сфере административных правоотношений.....	9
вопросы выдворения (депортации)	9

Дело «*Рахма Абди Осман против Швейцарии*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 июля 2020 года. Сообщение № 122/2017. Автор не продемонстрировала убедительным образом, что у нее имелись реальные основания опасаться того, что в случае возвращения в Италию она может стать объектом гендерного насилия в жестокой форме; отсутствовали по делу конкретные указания на то, что в прошлом защита в Италии автору не предоставлялась; установлено, что автор могла иметь доступ к необходимому ей медицинскому обслуживанию в Италии и по состоянию здоровья она не являлась слабозащищенным человеком, здоровье или жизнь которого в случае ее высылки обратно могут оказаться под угрозой; ходатайство автора о предоставлении убежища было рассмотрено властями государства-участника с соблюдением его обязательств по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Комитет пришел к выводу, что при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и при принятии решения о ее последующей высылке в Италию положения статей 2 и 6 Конвенции нарушены не были.9

Дело «*М.Э.Н. против Дании*». Решение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 26 июля 2013 года. Сообщение № 35/2011. Автор не ссылалась на какие-либо права, гарантируемые Конвенцией, а также не представляла Иммиграционной службе и Апелляционной комиссии по делам беженцев никаких заявлений по поводу предполагаемой дискриминации по признаку пола. Комитет отметил, что власти государства-участника не имели возможности рассмотреть ее претензии гендерного характера, которые находились в центре ее сообщения, представленного в Комитет. По мнению Комитета, сообщение является неприемлемым согласно статье 4 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.11

В сфере семейных правоотношений	16
вопросы установления опеки над ребенком.....	16

Дело «*Й.И. против Финляндии*». Мнения Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года. Сообщение № 103/2016 (информация о деле приведена ниже).16

В сфере трудовых правоотношений.....	16
вопросы трудоустройства	16

Дело «*Светлана Медведева против Российской Федерации*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2016 года. Сообщение № 60/2013. Комитет признал, что отказ в приеме автора сообщения на работу в качестве моториста-рулевого во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162

«Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» представлял собой нарушение положений статей 2, 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.16

В сфере социальных правоотношений22
 вопросы пенсионного обеспечения.....22

Дело «*В.П. против Республики Беларусь*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 28 июня 2021 года. Сообщение № 131/2018. С учетом предоставленных сторонами материалов Комитет не установил, что автор сообщения не смогла удовлетворить требованиям ни одной из существующих накопительных пенсионных схем исключительно по вине государства-участника. Автор не представила достаточного обоснования того, что ей было отказано в назначении пенсии по старости по той причине, что внутренняя законодательная основа и практика непропорционально неблагоприятны для женщин. Внесение изменений во внутреннюю законодательную базу и требования для назначения пенсии по старости, а также последствия внесения этих изменений для автора не составили нарушения положений статей 2 и 11, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.22

вопросы обеспечения лиц социальными пособиями.....26

Дело «*Элизабет де Блок и другие против Нидерландов*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 17 февраля 2014 года. Сообщение № 36/2012. Несмотря на существование определенной свободы усмотрения государств-участников относительно исполнения на практике своих обязательств по подпункту «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обстоятельства данного дела свидетельствовали о том, что после введения изначально обязательной системы предоставления отпуска по беременности и родам для всех, в том числе для самозанятых женщин (даже при том, что в последнем случае это финансировалось за счет специальных ассигнований), в 2004 году государство-участник отменило эту систему, не введя каких-либо переходных мер, и решило, что самозанятые женщины больше не будут охвачены системой государственного страхования, а смогут вместо нее воспользоваться частной системой страхования от потери дохода. В результате авторы лишились страховки на случай беременности и родов 1 августа 2004 года. Комитет счел, что реформа, введенная в действие государством-участником в 2004 году, отрицательно сказалась на условиях предоставления авторам отпуска по беременности и родам, защищаемых подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции, по сравнению с условиями, обеспеченными ранее действовавшей государственной схемой страхования. По мнению Комитета, государство-участник не выполнило своих обязательств в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции.26

В сфере уголовно-правовых отношений	30
вопросы защиты женщин от домашнего насилия (в том числе ответственность государства за действие частных лиц; право на эффективное расследование; искоренение гендерных стереотипов)	30
Отдельные правовые позиции Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по вопросу защиты лиц от домашнего насилия	30
Дело « <i>X.X., И.X. и Ю.X. против Грузии</i> ». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 октября 2021 года. Сообщение № 140/2019. Непроведение эффективного расследования случая гибели женщины, пострадавшей вследствие домашнего насилия. Представленные факты свидетельствовали о нарушении прав жертвы домашнего насилия по статьям 2, 5, рассматриваемым в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в свете Общих рекомендаций № 19 и № 35.	42
Дело « <i>Ш.Т. против Российской Федерации</i> ». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2019 года. Сообщение № 65/2014. Национальные органы власти, не предоставив автору эффективной юридической защиты и, не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, допустили, чтобы стереотипные представления влияли на мотивировку их решения. Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника соответствующим образом не защитили автора от домашнего насилия и не наказали виновного надлежащим образом, нарушив тем самым свои обязательства по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.	44
Дело « <i>О.Г. против Российской Федерации</i> ». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года. Сообщение № 91/2015. Не расследовав жалобу автора сообщения по поводу угроз смертельной расправы и угроз насилия оперативным, надлежащим и эффективным образом и не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, органы власти допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений влияли стереотипные представления. В связи с этим Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника не приняли своевременных и адекватных мер и не защитили автора сообщения от насилия и запугивания в нарушение своих обязательств, предусмотренных Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.	47
Дело « <i>Й.И. против Финляндии</i> ». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года. Сообщение № 103/2016. Комитет счел, что при принятии решения об опеке над Е.А. органы власти действовали под влиянием стереотипных и, следовательно, дискриминационных представлений о семейно-бытовом насилии; это выразилось в том, что повторяющиеся факты одностороннего насилия со стороны Й.А. были расценены как разногласия между родителями с указанием на то, что оба родителя совершали насильственные действия; при этом нет никаких свидетельств в пользу такой трактовки, за исключением заявления, сделанного	

автором на следующий день после того, как она подверглась жестокому нападению; не придав значения уголовному приговору в отношении Й.А., органы власти возложили обязанности по опеке над ребенком на человека, склонного к насилию. Таким образом, органы власти не обеспечили должного контроля в соответствии с их обязательствами по статьям 2, 15, и 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в исследованных аспектах.49

вопросы правовой квалификации совершенного уголовно-наказуемого деяния52

Дело «С.В.П. против Болгарии». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 12 октября 2012 года. Сообщение № 31/2011. Комитет счел, что в данном деле государство-участник не выполнило свою обязанность предпринять позитивные действия в соответствии со статьей 2 Конвенции и принять надлежащие положения уголовно-правового характера с целью эффективного наказания обвиняемого лица в изнасиловании и в сексуальном насилии и применить их на практике посредством проведения результативного расследования и уголовного преследования. Оно также не приняло законодательные меры, способные обеспечить поддержку и защиту потерпевшей в результате такого насилия, что представляло собой нарушение статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.52

Российская Федерация в качестве государства – продолжателя Союза ССР является участником Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года (далее также – Конвенция). Конвенция вступила в силу и стала обязательной для Союза ССР 3 сентября 1981 года.

По состоянию на 23 января 2023 года 189 государств являлись участниками указанного международного договора¹.

Для контроля за соблюдением государствами-участниками положений Конвенции был создан Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет), наделенный в том числе компетенцией рассматривать периодические доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению обязательств согласно Конвенции. В ноябре 2021 года Комитетом были приняты Заключительные замечания по *девятому* периодическому докладу Российской Федерации².

Факультативным протоколом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подписанным 6 октября 1999 года, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин был наделен компетенцией принимать и рассматривать сообщения³ лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции. По состоянию на 23 января 2023 года 115 государств являлись участниками этого Протокола. Протокол стал обязательным для Российской Федерации с 24 июля 2004 года⁴.

На указанную выше дату Комитетом рассмотрены в отношении государств-участников Протокола 133 сообщения. В отношении Российской Федерации – 8 сообщений: по 5 сообщениям были установлены нарушения Российской Федерацией отдельных положений Конвенции, 3 сообщения признаны неприемлемыми.

С учетом практики по рассмотрению периодических докладов государств – участников Конвенции, а также индивидуальных сообщений Комитет принимает общие рекомендации, представляющие собой обобщения отдельных правовых позиций Комитета по вопросам, которые являются

¹ Режим доступа: URL:

https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=en

² Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FRUS%2FCO%2F9&Lang=en

³ Далее также – индивидуальные сообщения.

⁴ Режим доступа: URL:

https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8-b&chapter=4&clang=en

значимыми в аспекте надлежащего исполнения государствами положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. По данным на 23 января 2023 года, Комитет, в частности, вынес следующие общие рекомендации: Общая рекомендация № 13 – Равное вознаграждение за равный труд; Общая рекомендация № 14 – Обрезание у женщин; Общая рекомендация № 15 – Недопущение дискриминации женщин в национальных стратегиях предупреждения синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИДа) и борьбы с ним; Общая рекомендация № 16 – Женщины, безвозмездно работающие на городских и сельских семейных предприятиях; Общая рекомендация № 18 – Женщины-инвалиды; Общая рекомендация № 19 – Насилие в отношении женщин; Общая рекомендация № 21 – Равноправие в браке и в семейных отношениях; Общая рекомендация № 23 – Политическая и общественная жизнь; Общая рекомендация № 24 – Статья 12 Конвенции (женщины и здоровье); Общая рекомендация № 26 по вопросу о трудящихся женщинах-мигрантах; Общая рекомендация № 27 относительно пожилых женщин и защиты их прав человека; Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Общая рекомендация по статье 16 Конвенции об экономических последствиях вступления в брак, семейных отношениях и их расторжении; Общая рекомендация № 30, касающаяся положения женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях; Совместная Общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике; Общая рекомендация № 32 по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин; Общая рекомендация № 33 о доступе женщин к правосудию; Общая рекомендация № 34 о правах сельских женщин; Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, обновляющая Общую рекомендацию № 19; Общая рекомендация № 36 о праве девочек и женщин на образование; Общая рекомендация № 37 о гендерных аспектах снижения риска бедствий в контексте изменения климата; Совместное Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка о вредной практике и Общей рекомендации № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин; Общая рекомендация № 38 о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции; Общая рекомендация № 39 о правах женщин и девочек из числа коренных народов⁵.

Обращаясь к Общей рекомендации № 28, Комитет подчеркивает, что вопрос о прямом действии Конвенции на национальном уровне является

⁵ Режим доступа: URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw/general-recommendations>

вопросом конституционного права и зависит от статуса международных договоров в национальной правовой системе. В соответствии с Конвенцией государства-участники принимают обязательство «выполнять положения Конвенции» (статья 18 Конвенции) либо применять или обеспечивать применение положений Конвенции, что означает отсутствие у государства-участника возможности сослаться на отсутствие прямого действия либо на такие оговорки, как «инструкции» или «обязательство приложить все усилия» с целью отказаться от исполнения своих обязательств по Конвенции (см., например, пункт 8.6 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по делу *«Элизабет де Блок и другие против Нидерландов»* от 17 февраля 2014 года. Сообщение № 36/2012).

Практика Комитета свидетельствует, что при рассмотрении индивидуальных сообщений для аргументации своей позиции Комитет ссылается как на принятые им Общие рекомендации, так и на свои ранее вынесенные Мнения (Решения).

Для сведения также сообщается, что в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации*⁶, а в 2022 году было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*⁷, в рамках которых нашли отражение вопросы, ставшие в свое время предметом внимания Комитета по делам в отношении Российской Федерации (например, вопросы домашнего насилия).

В настоящем Обзоре внимание акцентируется на делах Комитета, которые могли бы представлять интерес для судов Российской Федерации.

⁶ Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27156/

⁷ Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/31960/

В сфере административных правоотношений

вопросы выдворения (депортации)⁸

Дело *«Рахма Абди Осман против Швейцарии»*. Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 июля 2020 года. Сообщение № 122/2017⁹. Автор не продемонстрировала убедительным образом, что у нее имелись реальные основания опасаться того, что в случае возвращения в Италию она может стать объектом гендерного насилия в жестокой форме; отсутствовали по делу конкретные указания на то, что в прошлом защита в Италии автору не предоставлялась; установлено, что автор могла иметь доступ к необходимому ей медицинскому обслуживанию в Италии и по состоянию здоровья она не являлась слабозащищенным человеком, здоровье или жизнь которого в случае ее высылки обратно могут оказаться под угрозой; ходатайство автора о предоставлении убежища было рассмотрено властями государства-участника с соблюдением его обязательств по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Комитет пришел к выводу, что при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и при принятии решения о ее последующей высылке в Италию положения статей 2 и 6 Конвенции нарушены не были.

Правовые позиции Комитета: как правило, именно судам государств-участников Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации надлежит проводить оценку фактов и доказательств и применять национальное законодательство в конкретных случаях, кроме тех, когда имеется возможность установить, что оценка была предвзятой или проводилась на основании гендерных стереотипов и представляет случай дискриминации в отношении женщин, является явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. Каждое суверенное государство-участник самостоятельно формирует характер, структуру и процессуальную схему собственной системы предоставления убежища при соблюдении основных

⁸ **Для сведения:** в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения* (по состоянию на 1 августа 2018 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27085/

⁹ Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждала, что, выслав ее обратно в Италию, государство-участник нарушило свои обязательства по статьям 2 «d» и 6 Конвенции (пункт 3.1 Мнений).

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021)*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа:

URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/30437/

процессуальных гарантий, установленных международным правом (пункт 7.4 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: отмечено утверждение автора сообщения о том, что в Сомали ее содержал в неволе и подвергал унижающему достоинство обращению один из членов группировки «Аш-Шабааб», за которого она была насильно выдана замуж; пока она содержалась в неволе, ее регулярно избивали и насиловали; в результате изнасилований она родила ребенка, которого у нее отняли силой; она еще дважды беременела, но ее заставили сделать аборты. Комитет установил: автор решила бежать через Ливию в Италию, где 8 ноября 2013 года она подала ходатайство о предоставлении убежища и ей была предоставлена вспомогательная защита. В заявлении говорилось, что во время своего пребывания в Италии она стала жертвой сексуального насилия в лагере беженцев и в течение какого-то времени жила на улице. Автор утверждала – ее ходатайство о предоставлении убежища не было рассмотрено в свете представленных ею доказательств и швейцарские власти не приняли во внимание тот факт, что ввиду мигрантского кризиса в Италии и отсутствия структур, способных обеспечить ее защиту, она подвергается реальному, личному и прогнозируемому риску стать жертвой серьезных форм дискриминации в отношении женщин, в частности, гендерного насилия, а также стать жертвой проституции (пункт 7.2 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника: автор не продемонстрировала убедительным образом, что у нее имелись реальные основания опасаться того, что в случае возвращения в Италию (где в 2013 году ей была предоставлена вспомогательная защита) она может стать объектом гендерного насилия в жестокой форме; не было никаких конкретных указаний на то, что в прошлом защита в Италии автору не предоставлялась; автор могла иметь доступ к необходимому ей медицинскому обслуживанию в Италии и по состоянию здоровья она не являлась слаботзащищенным человеком, здоровье или жизнь которого в случае ее высылки обратно могут оказаться под угрозой; и ходатайство автора о предоставлении убежища было рассмотрено властями государства-участника с соблюдением его обязательств по Конвенции. Наряду с этим Комитет учел утверждение государства-участника – пара может проживать в Италии в качестве альтернативы и при этом муж автора, работающий по найму, может инициировать процедуру воссоединения семьи в Швейцарии, результатов которой автор может ожидать в Италии. Однако ни сложность этой процедуры, ни неопределенность в отношении ее продолжительности не являлись непреодолимыми препятствиями для того, чтобы пара в конечном итоге смогла вести семейную жизнь (пункт 7.3 Мнений).

Комитет отметил, что, по сути, заявления автора имели целью оспорить то, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения национального

законодательства и делали выводы. Комитет пришел к выводу: в материалах дела нет свидетельств того, что при рассмотрении органами власти заявлений автора относительно ее опасений в связи с риском, которому она подвергнется по возвращению в Италию, имели место какие бы то ни было недостатки подобного рода. Комитет подчеркнул следующее – несмотря на обобщающие заявления, сделанные автором относительно предполагаемых недостатков процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в государстве-участнике, такие недостатки не могут расцениваться как факты дискриминации или предпосылки к ней, а решения, принятые органами власти по делу автора сообщения, не могут быть расценены как произвольные (пункт 7.4 Мнений).

Должным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общего положения дел с предоставлением услуг просителям убежища и уязвимым лицам в Италии, Комитет счел, что власти государства-участника уделили достаточно внимания рассмотрению заявлений автора о предоставлении убежища и предложили ей разумные альтернативы. В этой связи Комитет пришел к заключению: органы власти государства-участника рассмотрели ходатайства автора о предоставлении убежища с учетом обязательств государства-участника по Конвенции. Вместе с тем Комитет отметил, что государство-участник обязано обеспечить информирование итальянских властей о состоянии психического здоровья автора с учетом причиненной ей травмы с тем, чтобы она могла получить поддержку соответствующих служб (пункт 7.5 Мнений).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и при принятии решения о ее последующей высылке в Италию положения статей 2 и 6 Конвенции нарушены не были.

Дело «*М.Э.Н. против Дании*». Решение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 26 июля 2013 года. Сообщение № 35/2011¹⁰. Автор не ссылаясь на какие-либо права, гарантируемые Конвенцией, а также не представляла Иммиграционной службе и Апелляционной комиссии по делам

¹⁰ Как усматривалось из текста Решения, автор утверждала, что ее высылка в Бурунди явилась бы нарушением статей 1, 2, и 3 Конвенции, поскольку в Бурунди до того, как она бежала из этой страны, ее изнасиловали трое мужчин, вследствие политических преследований со стороны бурундийских властей, и поскольку, будучи женщиной, может подвергнуться изнасилованию или иному физическому насилию по возвращении (пункт 3 Решения).

Информация об этом деле размещена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 февраля 2014 года.

беженцев никаких заявлений по поводу предполагаемой дискриминации по признаку пола. Комитет отметил, что власти государства-участника не имели возможности рассмотреть ее претензии гендерного характера, которые находились в центре ее сообщения, представленного в Комитет. По мнению Комитета, сообщение является неприемлемым согласно статье 4 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Правовые позиции Комитета: в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола к Конвенции авторы должны использовать все доступные для них средства правовой защиты в рамках национальной правовой системы. Он также сослался на свою практику, согласно которой автор сообщения должен был затронуть в рамках национального разбирательства суть претензии, которую он желает довести до Комитета с тем, чтобы местные власти и/или суды могли рассмотреть такую претензию (пункт 8.3 Решения).

Согласно статье 2 Факультативного протокола к Конвенции «сообщения могут направляться подпадающими под юрисдикцию государства-участника лицами или группами лиц или от их имени, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Конвенции». Комитет напоминает, что он указал в своей Общей рекомендации № 28, что обязательства государств-участников распространяются безотносительно как на граждан, так и на неграждан, в том числе на беженцев, лиц, ищущих убежища, трудящихся-мигрантов и апатридов в пределах территории этих государств или в зоне их фактического контроля, даже если таковая находится за пределами их территории. Государства-участники «несут ответственность за все свои действия, влияющие на положение в области прав человека, независимо от того, находятся ли лица, затронутые этими действиями, на территории указанных государств или нет» (пункт 8.5 Решения).

Комитет напоминает, что в статье 1 Конвенции дискриминация в отношении женщин определяется как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола,... направлено[е] на ослабление или свод[ящее] на нет признание, пользование или осуществление женщинами... прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области». Комитет далее ссылается на свою Общую рекомендацию № 19, которая прямо квалифицирует насилие в отношении женщин как дискриминацию в отношении женщин, указывая, что гендерное насилие представляет собой одну из форм дискриминации в отношении женщин и включает в себя действия, которые причиняют ущерб или страдания физического, психического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы. В отношении аргумента государства-участника о том, что в отличие от других договоров по правам человека в

Конвенции прямо или косвенно не затрагиваются вопросы высылки при наличии угрозы пыток или других серьезных угроз жизни и безопасности личности, Комитет напоминает, что в той же рекомендации он определил, что такое гендерное насилие затрудняет или сводит на нет пользование женщинами рядом прав человека и основных свобод, к числу которых среди прочего относятся право на жизнь, право не подвергаться пыткам, жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, право на свободу и безопасность личности, а также право на равную защиту по закону (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что согласно международным стандартам прав человека принцип невыдворения налагает на государства обязанность воздерживаться от возвращения лиц в юрисдикцию, в которой они могут подвергнуться серьезным нарушениям прав человека, в частности, произвольному лишению жизни или пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Принцип невыдворения является также неотъемлемым элементом процедуры предоставления убежища и системы международной защиты беженцев¹¹. *Суть принципа состоит в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она может подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам.* Гендерные формы преследования представляют собой преследование, направленное против женщин как таковых или несоразмерно затрагивающее женщин. Прямое положение о невыдворении содержится в статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и запрещает высылку того или иного лица из страны, если есть достаточные основания полагать, что он или она может подвергнуться угрозе пыток. Обязательства по Международному пакту о гражданских и политических правах, как они толкуются Комитетом по правам человека в его юридической практике, также включают обязательство не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что в государстве, куда это лицо будет или может быть впоследствии выслано, существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, в частности, оговариваемого в статье 6 о праве на жизнь и в статье 7 о праве не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания Пакта (пункт 8.7 Решения).

Абсолютное запрещение пыток, которое является частью международного обычного права, включает в качестве существенного сопутствующего компонента положение о запрещении выдворения при

¹¹ См.: ст. 33 Конвенции о статусе беженцев (запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения).

наличии опасности пыток, предусматривающее запрещение любого возвращения лица в страну, где он или она может подвергнуться риску пыток. Это в равной степени относится и к запрещению произвольного лишения жизни. *Гендерное насилие поставлено вне закона в первую очередь благодаря запрещению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания.* Комитет против пыток в своем Замечании общего порядка № 2 прямо отнес гендерное насилие и жестокое обращение с женщинами к сфере действия Конвенции против пыток (пункт 8.8 Решения).

Со ссылкой на довод государства-участника о том, что ничто в юридической практике Комитета не указывает на экстерриториальное действие положений Конвенции, Комитет напоминает – в соответствии с пунктом «d» статьи 2 Конвенции государства-участники должны воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать согласно этим обязательствам. Эта обязанность действовать включает обязательство государств-участников ограждать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия *независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства: если государство-участник принимает решение в отношении лица, находящегося под его юрисдикцией, неизбежным и предсказуемым последствием которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, то государство-участник само может стать нарушителем Конвенции.* Например, государство-участник само нарушит Конвенцию, если оно вышлет то или иное лицо в другое государство в ситуации, когда можно было предвидеть, что это повлечет за собой серьезные акты гендерного насилия. Возможность предвидения последствий означала бы, что государство-участник допустило нарушение, даже несмотря на то, что последствия наступят только через некоторое время. Степень серьезности гендерного насилия будет зависеть от обстоятельств каждого дела и рассмотрения Комитетом исходя из каждого конкретного случая в отдельности, существа дела, при условии, что автор доказал *prima facie* обоснованность своих претензий в Комитете, представив достаточно веские аргументы в их обоснование. В данном случае автору не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости, что освобождает Комитет от их дальнейшего рассмотрения (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: принято к сведению утверждение автора о том, что ее высылка в Бурунди будет нарушать статьи 1, 2 и 3 Конвенции, поскольку она была изнасилована тремя мужчинами в Бурунди, прежде чем бежала из этой страны из-за политического преследования и опасений, что может быть подвергнута изнасилованию или

иным формам телесных повреждений в случае ее возвращения в Бурунди. Комитет отметил утверждение государства-участника о том, что автор не ссылаясь на какие-либо права, гарантируемые Конвенцией, а также не представляла Иммиграционной службе и Апелляционной комиссии по делам беженцев никаких заявлений по поводу предполагаемой дискриминации по признаку пола. В связи с этим Комитет обратил внимание на следующее: ходатайство автора о предоставлении убежища перед Иммиграционной службой и относящиеся к нему отчеты о собеседованиях показывают, что автор в обоснование своего ходатайства о предоставлении вида на жительство указала только тот факт, что она опасается быть лишенной жизни или брошенной в тюрьму правительством в случае ее возвращения в Бурунди, учитывая, что режим преследует всех членов НОФ¹². Она сослалась на свое членство в оппозиционной партии как на причину того, что она разыскивается в государстве своего происхождения. Комитет далее подчеркнул – даже предполагаемое изнасилование как таковое не было указано в качестве основания для подачи ею ходатайства о предоставлении убежища. Вместо этого во время собеседований в рамках процедуры рассмотрения прошения о предоставлении убежища автор в ответ на вопрос о предполагаемом изнасиловании заявила, что не знает ни имен совершивших над ней насилие лиц, ни почему именно она подверглась изнасилованию, и добавила, что это, по ее мнению, произошло случайно. Она также отрицательно ответила на вопрос о том, связано ли изнасилование с ее принадлежностью к НОФ. Таким образом, власти государства-участника действительно не имели возможности рассмотреть ее претензии гендерного характера, которые находятся в центре ее сообщения, представленного в Комитет, и поэтому были не в состоянии проверить их достоверность (пункт 8.3 Решения)..

Выводы Комитета: сообщение является неприемлемым согласно статье 4 (1) Факультативного протокола.

¹² Национально-освободительный фронт.

В сфере семейных правоотношений¹³

вопросы установления опеки над ребенком¹⁴

Дело «*Й.И. против Финляндии*». Мнения Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года. Сообщение № 103/201615 (информация о деле приведена ниже).

В сфере трудовых правоотношений

вопросы трудоустройства¹⁶

Дело «*Светлана Медведева против Российской Федерации*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2016 года. Сообщение № 60/2013¹⁷. Комитет признал, что отказ в

¹³ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28123/

¹⁴ Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних в сфере гражданских и административных правоотношений.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27105/

¹⁵ Информация об этом деле была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2020).*

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/28831/

¹⁶ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27902/

¹⁷ Как усматривалось из текста Мнений, автор полагала, что компания отказала ей в трудоустройстве по признаку пола на основании запрета, прямо предусмотренного

приеме автора сообщения на работу в качестве моториста-рулевого во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» представлял собой нарушение положений статей 2, 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Правовые позиции Комитета: пункты «d» и «f» статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин устанавливают обязательство государств-участников отменить или изменить дискриминационные законы и нормативные акты, воздерживаться от совершения каких-либо актов или действий, представляющих собой прямую или косвенную дискриминацию в отношении женщин, и обеспечить отмену любых законов, которые выливаются в дискриминацию или приводят к ее порождению. Комитет отмечает, что *положения, касающиеся защиты лиц, работающих в опасных или трудных условиях, должны быть направлены на охрану здоровья и безопасности на рабочих местах как мужчин, так и женщин с учетом гендерных различий, обуславливающих наличие специфических рисков для здоровья* (пункт 11.3 Мнений).

В соответствии с пунктом «с» статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин государства-участники должны обеспечить, чтобы суды в обязательном порядке применяли принцип равенства, закрепленный в Конвенции, а при толковании закона в максимально возможной степени исходили из обязательств государств-участников по Конвенции. Комитет напоминает, что пункт «е» статьи 2 Конвенции устанавливает обязательство государств-участников добиваться ликвидации дискриминации со стороны любого государственного или частного субъекта и требует от них установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от любого акта дискриминации и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении

законом. Она утверждала, что подобное различие в обращении носит дискриминационный характер и не соответствует Конвенции, а также что ни статья 253 Трудового кодекса Российской Федерации (далее также – ТК РФ), ни постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» не разъясняют мотивов, лежащих в основе полного запрета. Рассматриваемый запрет направлен на защиту репродуктивного здоровья женщин. Однако он применяется по отношению ко всем женщинам независимо от возраста, семейного положения, возможности и желания иметь детей или личных обстоятельств.

Информация о деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016)*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 года.

женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия (пункт 11.4 Мнений).

Подпункт «б» пункта 1 статьи 11 Конвенции должен рассматриваться вместе со статьями 2 и 3. В соответствии с указанными положениями государство-участник обязуется обеспечить мужчинам и женщинам равные меры защиты репродуктивных функций и создать безопасные условия труда во всех областях профессиональной деятельности вместо того, чтобы вводить запреты на использование труда женщин на определенных видах работ и оставлять решение вопроса о создании безопасных условий труда на усмотрение работодателя. В тех случаях, когда государству-участнику нужно отклониться от описанного выше принципа, ему необходимо располагать серьезными медицинскими и социальными данными, свидетельствующими о необходимости обеспечения защиты беременности и материнства или иных гендерных факторов (пункт 11.7 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: статья 253 Трудового кодекса Российской Федерации (далее также – ТК РФ) и постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162¹⁸ запрещают применение труда женщин по 456 специальностям и в 38 областях профессиональной деятельности. Комитет не получил никаких доказательств, свидетельствующих, что включение должности моториста-рулевого в перечень работ, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оправдано научными данными о вредном влиянии этого вида деятельности на репродуктивное здоровье женщины. Комитет принял к сведению: государство-участник ссылается на высокий уровень шума, однако не предоставило никаких доказательств того, что такой уровень шума может неблагоприятно сказаться на репродуктивном здоровье женщины (пункт 11.3 Мнений).

Комитет придерживался мнения, что введение такой законодательной нормы¹⁹ отражает стойкие стереотипы, касающиеся роли и обязанностей

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин».

¹⁹ Речь идет об упомянутых выше статье 253 ТК РФ и постановлении Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин». Указанное постановление Правительства Российской Федерации утратило силу с 1 января 2021 года в связи с принятием постановления Правительства Российской Федерации от 4 августа 2020 года № 1181 «О признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации и об отмене актов и отдельных положений актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением трудового

женщин и мужчин в семье и обществе, которые консервируют традиционные представления о женщине как жене и матери и подрывают ее социальный статус и перспективы образовательного и карьерного роста. Комитет напомнил о том, что в своих Заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника он выражал беспокойство существованием чрезмерно ограничительного списка специальностей и областей профессиональной деятельности, к которым женщины лишены доступа, и рекомендовал государству-участнику пересмотреть данный список с тем, чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия, а также поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности посредством улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер (CEDAW/C/RUS/CO/8, пункты 33–34). Комитет пришел к выводу о том, что вышеуказанные положения законодательства препятствуют исполнению государством-участником своих обязательств, предусмотренных пунктами «d» и «f» статьи 2 Конвенции (пункт 11.3 Мнений).

Комитет учел утверждение автора, что ее права в соответствии со статьей 1, пунктами «с», «d», «e» и «f» статьи 2, и подпунктами «b», «с» и «f» пункта 1 статьи 11 Конвенции были нарушены в связи с тем, что, во-первых, несмотря на то, что она первоначально была отобрана для замещения должности моториста-рулевого, ей впоследствии было отказано в трудоустройстве по признаку пола на основании действия запрета, установленного статьей 253 ТК РФ и постановлением № 162, и, во-вторых, государство-участник не обязало работодателя принять разумные меры для изменения условий труда таким образом, чтобы сделать их пригодными для женщин. Комитет отметил: государство-участник не отрицало факт дифференцированного обращения по признаку пола, но утверждало, что такое обращение предписывалось национальным законодательством и относилось к специальным мерам, принимаемым для защиты женщин на определенных видах работ с учетом физиологических особенностей их организма, в том числе способности к деторождению, и, следовательно, не могло считаться дискриминационным. Государство-участник указало – отказ работодателя принять на работу женщину для выполнения работ, приведенных в перечне, не могло считаться дискриминацией, если работодатель не создал безопасных условий труда для выполнения этих работ, что подтверждается результатами специальной аттестации рабочих мест (пункт 11.2 Мнений).

законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и федерального государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания».

Комитет отметил, что в рассматриваемом случае суды государства-участника признали законным отказ в приеме автора на работу в качестве моториста-рулевого, оставив без рассмотрения ее заявление о том, что данный отказ носил по отношению к ней дискриминационный характер и ущемлял ее интересы по признаку пола, и не нашли законных оснований обязать работодателя создать безопасные условия для трудоустройства женщин. Комитет счел: суды государства-участника закрыли глаза на дискриминационные действия частной компании. В этих обстоятельствах Комитет резюмировал, что государство-участник нарушило свои обязательства по пунктам «с» и «е» статьи 2, рассматриваемым совместно со статьей 1 Конвенции, вследствие необеспечения применения на практике принципа равного обращения, предусмотренного Конвенцией и Конституцией, и эффективной защиты женщин от любых актов гендерной дискриминации (пункт 11.4 Мнений).

В отношении заявления автора о нарушении государством-участником ее прав по подпунктам «b», «с» пункта 1 статьи 11 Конвенции Комитет принял во внимание ее доводы о том, что отказ от приема на работу в качестве моториста-рулевого и подтверждение этого решения судебными инстанциями де-факто означают для нее запрет на осуществление права на трудоустройство в соответствии с полученным образованием, поскольку специальность техника-судоводителя в любом случае автоматически подразумевает работу автора сообщения в условиях, которые определяются государством-участником как опасные для женщин. Комитет обратил внимание на то, что государство-участник не сделало почти ничего для того, чтобы оспорить это утверждение. Комитет подчеркнул: отказ в трудоустройстве поставил автора в положение, когда она не смогла зарабатывать себе на жизнь по специальности, на которую училась, что имело для нее неблагоприятные экономические последствия. Комитет пришел к выводу, что законодательство не обеспечивало на основе равенства мужчин и женщин право на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме. Комитет отметил – в рамках действующего законодательства автор не смогла получить равные возможности при найме на те должности, на которые она вправе претендовать в силу полученного образования, если работодатели не примут решение о создании безопасных условий труда; однако только сами работодатели могут принять решение о реализации дополнительных мер по созданию безопасных для женщин условий труда и пройти необходимую аттестацию. В свете вышеизложенного Комитет счел, что отказ автору в трудоустройстве на основании общего положения законодательства представлял нарушение ее прав на одинаковые возможности с мужчинами при найме и свободный выбор профессии и рода работы согласно подпунктам «b» и «с» пункта 1 статьи 11 Конвенции, и следовательно, права автора, предусмотренные указанными положениями, были нарушены, а

судебные органы государства- участника не приняли мер для устранения нарушения В отношении заявления автора о нарушении государством- участником ее прав по подпункту «f» пункта 1 статьи 11 Конвенции Комитет принял к сведению довод государства-участника, согласно которому перечень отраслей, профессий и должностей с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых ограничивается применение труда женщин, был утвержден в соответствии с процедурой, определенной Правительством Российской Федерации, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Комитет принял к сведению утверждение государства участника о том, что психофизиологические особенности организма работников принимались во внимание при установлении конкретных ограничений на использование труда женщин, и что указанные ограничения были введены в связи с необходимостью обеспечить женщинам особую защиту от вредных факторов производства, оказывающих неблагоприятное воздействие на женский организм, в частности на его репродуктивную функцию. Как утверждало государство-участник, при установлении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оно исходило из результатов аттестации условий труда и степени влияния данных условий на организм работающей женщины и его репродуктивную функцию. Комитет дополнительно принял к сведению объяснение государства-участника, что в соответствии с пунктом 1 примечаний к перечню работодатель может принимать решение о применении труда женщин на запрещенных работах при условии создания безопасных условий труда (пункт 11.6 Мнений).

Комитет отметил, что принятие перечня из 456 специальностей и 38 отраслей противоречило обязательствам государства-участника согласно Конвенции, поскольку устанавливает разное обращение применительно к мужчинам и женщинам, никоим образом не способствовало трудоустройству женщин и основано на дискриминационных стереотипах. Более того, процедура приема на работу, в рамках которой отдельные работодатели вправе по собственному усмотрению принимать решение о применении труда женщин на перечисленных работах при условии гарантии безопасности, не соответствовала требованиям Конвенции, так как работодатель не обязан ни заниматься созданием безопасных условий труда, ни нанимать женщин даже в том случае, если они обладают самой высокой квалификацией среди претендентов на должность. Комитет подчеркнул, что существующий обширный перечень может влиять на порядок подбора персонала работодателем. Комитет полагал, что статья 253 ТК РФ и постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 162 в том виде, в котором они применялись в случае автора, не соответствовали обязательствам государства-участника по подпункту «f» пункта 1 статьи 11 Конвенции. По мнению Комитета, отказ в

трудоустройстве автора на основании вышеупомянутых положений законодательства являлся нарушением ее прав на здоровье и безопасные условия труда наравне с мужчинами согласно подпункту «f» пункта 1 статьи 11 Конвенции (пункт 11.7 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило права автора, предусмотренные статьями 2 и 11 Конвенции в исследованных аспектах (пункт 12 Мнений).

В сфере социальных правоотношений

вопросы пенсионного обеспечения²⁰

Дело «*В.П. против Республики Беларусь*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 28 июня 2021 года. Сообщение № 131/2018.²¹ С учетом предоставленных сторонами материалов Комитет

²⁰ Как было отмечено выше, в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27902/

²¹ Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждала, что отклонение ее заявления о назначении пенсии по старости нарушает положения статьи 11 (подпункт «e» пункта 1) Конвенции, поскольку влечет за собой косвенную дискриминацию в отношении женщин, так как у женщин чаще возникают перерывы в работе из-за того, что именно они обычно ухаживают за детьми и людьми с инвалидностью и, следовательно, не могут получить требуемый законом страховой стаж. Автор уточнила, что согласно информации, полученной от представителей Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, в 2015 году женщины составляли 99 % от лиц, осуществляющих уход за детьми в возрасте до 3 лет. Она также подчеркнула, что, хотя положениями внутреннего законодательства установлены равные требования для мужчин и женщин, женщины поставлены в менее благоприятные условия. Женщинам гораздо труднее получить требуемый страховой стаж, особенно в условиях, когда деятельность по уходу, хотя и признанная на государственном уровне социально значимой, не засчитывается в него (пункт 3.1 Мнений).

Автор сообщения отметила, что в феврале 2016 года, достигнув возраста выхода на пенсию, составляющего 55 лет, автор обратилась в местную комиссию по пенсионному обеспечению с заявлением о назначении ей пенсии по старости. На тот момент учтенный в ее трудовой книжке общий трудовой стаж (который включает все периоды оплачиваемой работы, а также периоды учебы, отпуска по беременности и родам, прохождения обязательной военной службы и т.д.) составлял 24 года, 2 месяца и 19 дней. При этом ее страховой стаж (периоды работы, в которые осуществлялись отчисления в фонд пенсионного страхования) составлял 12 лет, 10 месяцев и 24 дня (пункт 2.1 Мнений).

не установил, что автор сообщения не смогла удовлетворить требованиям ни одной из существующих накопительных пенсионных схем исключительно по вине государства-участника. Автор не представила достаточного обоснования того, что ей было отказано в назначении пенсии по старости по той причине, что внутренняя законодательная основа и практика непропорционально неблагоприятны для женщин. Внесение изменений во внутреннюю законодательную базу и требования для назначения пенсии по старости, а также последствия внесения этих изменений для автора не составили нарушения положений статей 2 и 11, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Правовые позиции Комитета: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин *запрещает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и гражданской или любой другой области.* Косвенная дискриминация связана с наличием законов, политики или практики, которые на первый взгляд кажутся нейтральными, но имеют несоразмерно серьезные последствия для осуществления закрепленных в Конвенции прав, о чем свидетельствуют запрещенные основания для дискриминации (пункт 7.4 Мнений).

Комитет отмечает, что *право на социальное обеспечение имеет решающее значение для обеспечения человеческого достоинства.* Осуществление права на социальное обеспечение имеет значительные финансовые последствия для государств, однако *последние должны обеспечивать осуществление этого права хотя бы на минимально необходимом уровне.* В частности, они должны обеспечивать доступ к программам социального обеспечения, которые гарантируют минимально необходимый уровень пособий без какой-либо дискриминации. *Государства должны предоставлять не требующие предварительных взносов пособия, социальные услуги и другую помощь всем пожилым лицам, которые по достижении пенсионного возраста, установленного национальными законами, не успели внести все полагающиеся взносы в пенсионный фонд или по каким-либо иным причинам не пользуются правом на получение пенсии по социальному страхованию или других льгот социального обеспечения или социальной помощи и не имеют других источников дохода.* При разработке программ, не требующих предварительной уплаты взносов, должен также

Информация об этом деле была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 11(2021).*

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/30643/

приниматься во внимание тот факт, что женщины с большей долей вероятности, чем мужчины, оказываются в состоянии нищеты, зачастую вынуждены в одиночку ухаживать за ребенком и что чаще всего именно они не получают выплат по линии накопительных пенсий (пункт 7.5 Мнений).

Комитет отмечает, что государства-участники обладают значительной свободой усмотрения при принятии мер, которые они считают необходимыми для обеспечения того, чтобы каждый человек мог осуществлять право на социальное обеспечение, в целях, в частности, обеспечения того, чтобы пенсионные системы были эффективными, надежными и доступными для всех. Поэтому государства могут устанавливать требования или условия, которым должны удовлетворять заявители, чтобы иметь право на участие в программах социального обеспечения или получать пенсию или другие пособия, но эти условия должны быть разумными, пропорциональными и транспарентными. В целом надлежащую информацию об этих условиях необходимо своевременно доводить до сведения общественности с тем, чтобы обеспечить предсказуемость доступа к пенсиям по выходу в отставку, особенно в тех случаях, когда меры, принимаемые государствами-участниками, носят регрессивный характер и не предусматривают каких-либо переходных мер для компенсации их негативных последствий (пункт 7.6 Мнений).

Комитет считает: государства должны пересмотреть ограничения на доступ к программам социального обеспечения, чтобы убедиться, что они не допускают дискриминации в отношении женщин ни в законодательстве, ни на практике. В частности, государства должны учитывать тот факт, что из-за сохранения стереотипов и других структурных причин женщины тратят гораздо больше времени, чем мужчины, на выполнение неоплачиваемой работы (в том числе на уход за детьми с инвалидностью и без инвалидности). Государствам следует принять меры для устранения факторов, мешающих женщинам делать равные взносы в программы социального обеспечения, в рамках которых выплаты увязываются со взносами, или принимать во внимание такие факторы при разработке формул начисления пенсии, как, например, обеспечить учет времени, затраченного на уход за детьми, включая как детей с инвалидностью, так и детей без инвалидности, а также за взрослыми иждивенцами, особенно женщинами (пункт 7.7 Мнений).

Комитет считает, что если в сообщении представлена соответствующая информация, указывающая *prima facie* на существование законодательного положения, которое, хотя и сформулировано нейтрально, [но] де-факто может затрагивать гораздо более значительную процентную долю женщин, чем мужчин, то государство-участник должно доказать, что такая ситуация не составляет косвенную дискриминацию по признаку пола (пункт 7.10 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было отмечено, что автор достигла пенсионного возраста, но не могла

претендовать на пенсию по старости в соответствии с новыми требованиями, поскольку у нее не было необходимого страхового стажа (пункт 7.8 Мнений).

Комитет подчеркнул, что государство-участник ввело как накопительную, так и ненакопительную пенсионные схемы. Из них последняя обусловлена исключительно возрастом, в то время как для участия в первой требуется также необходимость в течение определенного времени делать отчисления в фонд пенсионного страхования. Комитет отметил, что продолжительность времени, в течение которого требовалось делать такие отчисления, одинакова для мужчин и женщин. Согласно внутреннему законодательству периоды ухода за детьми и людьми с инвалидностью, периоды получения образования и прохождения военной службы не засчитываются в страховой стаж. В этой связи Комитет напомнил о доводе автора о том, что исключение деятельности по уходу за ребенком из страхового стажа составляет дискриминацию в отношении женщин, поскольку они чаще осуществляют такую деятельность в силу воздействия культурных стереотипов, влияющих на распределение семейных ролей между представителями разных полов (пункт 7.9 Мнений).

Комитет принял во внимание статистические данные, представленные государством-участником. Эти данные показывали, что средняя продолжительность деятельности, не засчитываемой в страховой стаж, примерно одинакова для мужчин и женщин (в период 2012–2017 годов — 4,3 года и, соответственно, 4,5 года). Кроме того, в 2017 году подавляющее большинство женщин пенсионного возраста получали пенсию по старости (96,7 %, тогда как для мужчин этот показатель составлял 89,4 %). Доля женщин пенсионного возраста, которым было отказано в назначении пенсии по старости, была в целом очень мала и лишь незначительно превосходила соответствующую долю мужчин. Автор сообщения не оспаривала достоверность статистических данных, представленных государством-участником. Кроме того, Комитет отметил, что государство-участник ввело ряд особых пенсионных режимов с менее строгими требованиями к продолжительности страхового стажа, в частности, для матерей нескольких детей и для матерей детей с инвалидностью. Комитет признал эту попытку защитить наиболее уязвимые группы населения от негативного воздействия повышения требований к страховому стажу. С учетом вышесказанного нельзя было утверждать, что законодательная основа сама по себе создавала дискриминационную среду, более обременительную для женщин. Комитету оставалось рассмотреть вопрос о том, соответствовало ли применение пенсионных норм в случае автора сообщения требованиям Конвенции (пункт 7.11 Мнений).

Комитет сразу отметил, что на момент достижения автором пенсионного возраста ее страховой стаж составлял всего 12 лет, 10 месяцев и 24 дня. В период 1998–2009 годов автор ухаживала за своими детьми, пока ее младшему сыну не исполнилось 14 лет. Комитет принял к сведению довод

автора о том, что ей пришлось продлить отпуск по беременности и родам сверх положенных по закону трех лет, потому что ее сын часто болел. Однако автор не уточнила характер заболеваний сына, которые вынуждали ее воздерживаться от поиска оплачиваемой работы в течение столь длительного времени. Более того, хотя автор, отметив, что после 2009 года она не смогла найти работу, не объяснила, почему она обратилась за помощью в трудоустройстве только в 2016 году и почему, получив такую помощь в июне 2016 года, она отказалась от нее спустя несколько месяцев, 25 октября 2016 года. Она также не сообщила о том, пыталась ли она оспорить в суде отказы частных работодателей принять ее на работу (пункт 7.12 Мнений).

Хотя изменения в пенсионном законодательстве, безусловно, повлияли на личную ситуацию автора, нельзя заключить, по мнению Комитета, что автор не смогла удовлетворить требованиям ни одной из существующих накопительных пенсионных схем исключительно по вине государства-участника. Автор не представила достаточного обоснования того, что ей было отказано в назначении пенсии по старости по той причине, что внутренняя законодательная основа и практика непропорционально неблагоприятны для женщин.

Выводы Комитета: внесение изменений во внутреннюю законодательную базу и требования для назначения пенсии по старости, а также последствия внесения этих изменений для автора не составили нарушения положений статей 2 и 11, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

вопросы обеспечения лиц социальными пособиями

Дело «*Элизабет де Блок и другие против Нидерландов*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 17 февраля 2014 года. Сообщение № 36/2012²². Несмотря на существование определенной свободы усмотрения государств-участников относительно исполнения на практике своих обязательств по подпункту «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обстоятельства данного дела свидетельствовали о том, что после введения изначально обязательной системы

²² Как следовало из текста Мнений, авторы утверждали, что их права по подпункту «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции были нарушены, поскольку государство-участник не приняло мер по введению отпуска по беременности и родам с компенсацией утраченного дохода для самозанятых женщин в период с 1 августа 2004 года по 4 июня 2008 года (пункт 3.1 Мнений).

Информация об этом деле изложена в *Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь – июль 2014 года*, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 сентября 2014 года.

предоставления отпуска по беременности и родам для всех, в том числе для самозанятых женщин (даже при том, что в последнем случае это финансировалось за счет специальных ассигнований), в 2004 году государство-участник отменило эту систему, не введя каких-либо переходных мер, и решило, что самозанятые женщины больше не будут охвачены системой государственного страхования, а смогут вместо нее воспользоваться частной системой страхования от потери дохода. В результате авторы лишились страховки на случай беременности и родов 1 августа 2004 года. Комитет счел, что реформа, введенная в действие государством-участником в 2004 году, отрицательно сказалась на условиях предоставления авторам отпуска по беременности и родам, защищаемых подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции, по сравнению с условиями, обеспеченными ранее действовавшей государственной схемой страхования. По мнению Комитета, государство-участник не выполнило своих обязательств в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: что касается аргумента государства-участника относительно неприменимости подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции к самозанятым женщинам, то Комитет отмечает, что ничто в формулировках статьи 11 в целом или подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции не свидетельствует в пользу такой узкой интерпретации. Напротив, Комитет отмечает, что в ходе конструктивного диалога с представителями государства-участника, в его заключительных замечаниях и в его юридической практике он систематически имел дело с самозанятыми лицами в связи с рядом подпунктов статьи 11 и подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции в частности. Кроме того, Комитет напоминает, что в деле *Нгуен*, на которое ссылаются как авторы, так и государство-участник, он основывал свои выводы на четком предположении, что в контексте подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции понятие «*все занятые женщины*» включает не только женщин, связанных отношениями найма, но и тех, которые являются самозанятыми. Таким образом, по мнению Комитета, *подпункт «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции применим также и к самозанятым женщинам, а не только исключительно к женщинам, работающим по найму* (пункт 8.4 Мнений).

Комитет напоминает, что государство-участник, ратифицировав Конвенцию и Факультативный протокол к ней, приняло на себя обязательства о предоставлении правовой защиты лицам, ставшим жертвами нарушения их прав согласно Конвенции. Комитет ссылается на Общую рекомендацию № 28, в соответствии с которой вопрос о прямом действии Конвенции на национальном уровне является вопросом конституционного права и зависит от статуса международных договоров в национальной правовой системе. В соответствии с Конвенцией государства-участники принимают обязательство «выполнять положения Конвенции» (статья 18 Конвенции) либо применять или обеспечивать применение положений Конвенции, что означает отсутствие у государства-участника возможности сослаться на отсутствие прямого действия либо на такие оговорки, как «инструкции» или «обязательство приложить все усилия» с

целью отказаться от исполнения своих обязательств в соответствии с подпунктом «b» пункта 2 статьи 11 Конвенции (пункт 8.6 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения авторов о том, что, поскольку им не были предоставлены льготы в связи с отпуском по беременности и родам в результате реформы системы социального страхования в 2004 году, то им причитается компенсация в объеме, который был бы им предоставлен в соответствии с ранее действовавшим до реформы Законом о страховании нетрудоспособных (самозанятые лица). Комитет также принял к сведению аргумент государства-участника о том, что положения подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции применяются к женщинам, занятым на оплачиваемой работе, и не могут быть истолкованы, как предоставляющие защиту самозанятым лицам; что самозанятые лица могут самостоятельно застраховаться от риска потери дохода посредством сбережений или услуг частных страховых компаний; что вмешательства государства-участника не требуется, поскольку самозанятые лица могут надлежащим образом застраховаться от такого риска в частных компаниях; что существует надлежащий план выплаты пособий по беременности и родам, благодаря которому самозанятые женщины могут добровольно застраховать себя в соответствии с Законом о пособиях по случаю болезни, который предусматривает право на получение пособий по беременности и родам в течение 16 недель, и что государство-участник даже оказало содействие самозанятым лицам в частном страховании посредством введения системы налоговых вычетов со страховых взносов (пункт 8.2 Мнений).

Вопрос, стоявший перед Комитетом, заключался в определении, нарушило ли государство-участник права авторов, предусмотренные подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции в результате упразднения существовавшей системы пособий по беременности и родам, применявшейся до 2004 года по отношению к самозанятым женщинам, с учетом того, что после рождения детей в 2005 и 2006 годах они фактически остались без пособий по беременности и родам (пункт 8.3 Мнений).

Комитет принял к сведению решение районного суда Гааги от 25 июля 2007 года, в котором суд вынес заключение о том, что подпункт «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции не имеет прямого применения, поскольку она содержит всего лишь «инструкцию» для государств-участников ввести отпуск по беременности и родам, оставляя на усмотрение государств-участников, каким именно образом это будет достигнуто на практике. Кроме того, Комитет учел утверждение государства-участника о том, что обязательство принять «надлежащие меры» для предупреждения дискриминации против женщин в связи с беременностью и родами представляет собой не более чем формулировку о приложении «всех усилий». Комитет напомнил: в своих Заключительных замечаниях в контексте четвертого периодического доклада государства-участника он

придерживался мнения, что *данное положение Конвенции имеет прямое применение*. Он подтвердил свою обеспокоенность относительно статуса Конвенции в правовой системе государства-участника и, например, тем фактом, что руководящие органы продолжают считать – не все существенные положения Конвенции имеют прямое применение (пункт 8.5 Мнений).

Комитет отметил, что в данном контексте к государству-участнику обращен призыв пересмотреть свою позицию относительно того, что не все существенные положения Конвенции имеют прямое применение в национальной правовой системе и, в частности, *обеспечить применение всех положений Конвенции в полном объеме*. Он также напомнил о своей обеспокоенности в связи с отменой властями государства-участника в 2004 году Закона о страховании в связи с потерей трудоспособности (самозанятые лица), в результате чего независимые предприниматели из числа женщин лишились пособия по беременности и родам; Комитет в свое время призвал государство-участника восстановить пособие по беременности и родам для всех женщин на основании подпункта «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции, включая самозанятых (пункт 8.6 Мнений).

Комитет далее отметил, что, несмотря на существование определенной свободы усмотрения государств-участников относительно исполнения на практике своих обязательств по подпункту «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции, однако обстоятельства данного дела свидетельствовали о том, что после введения изначально обязательной системы предоставления отпуска по беременности и родам для всех (в том числе для самозанятых женщин), даже при том, что в последнем случае это финансировалось за счет специальных ассигнований, в 2004 году государство-участник отменило эту систему, не введя каких-либо переходных мер, и решило, что самозанятые женщины больше не будут охвачены системой государственного страхования, а смогут вместо нее воспользоваться частной системой страхования от потери дохода. В результате авторы лишились страховки на случай беременности и родов 1 августа 2004 года. Авторы пытались воспользоваться услугами частных страховых компаний, однако все, кроме одной, были вынуждены отказаться от этой идеи по причине стоимости такой страховки с учетом относительно низкого уровня их дохода. Кроме того, – и это также не оспаривалось государством-участником – частные страховые компании применяли положение о двухлетнем условном периоде для новых членов, в течение которого пособие по беременности и родам в связи с потерей дохода не могло выплачиваться в случае соответствующего отпуска (пункт 8.7 Мнений).

Комитет отметил: государство-участник не опровергло заявления авторов, но лишь пояснило, что решение о конкретной форме применения плана предоставления отпуска по беременности и родам оставалось на усмотрение национальных органов; что платежи по такой страховке

подпадали под действие налоговых вычетов, а также что в любом случае частные страховые компании свободны в определении конкретных финансовых параметров покрытия риска. В этих обстоятельствах Комитет счел, что реформа, введенная в действие государством-участником в 2004 году, реально отрицательно сказалась на условиях предоставления авторам отпуска по беременности и родам, защищаемых подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции, по сравнению с условиями, обеспеченными ранее действовавшей государственной схемой страхования (пункт 8.8 Мнений).

Комитет принял к сведению, что в данных обстоятельствах авторы не получили пособия в связи с потерей дохода после того, как родили детей в 2005 и 2006 годах, за исключением г-жи де Блок (которая воспользовалась услугами частной страховой компании и получила от нее паушальную выплату, но только после того, как она уведомила страховую компанию о своем намерении передать дело на рассмотрение суда). Таким образом, отказ государства-участника в предоставлении пособия по беременности и родам неблагоприятно повлиял на положение беременных женщин и поэтому представлял собой прямую дискриминацию в отношении женщин по половому и гендерному признаку и нарушение обязательства государства-участника принять все необходимые меры для ликвидации дискриминации в соответствии со статьей 11 Конвенции.

Выводы Комитета: отменив ранее действующую систему предоставления отпуска по беременности и родам без введения альтернативного плана предоставления отпуска по беременности и родам для компенсации потерь дохода в период такого отпуска, непосредственно доступного самозанятым авторам после рождения детей, государство-участник не выполнило своих обязательств в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 11 Конвенции (пункт 8.9 Мнений).

В сфере уголовно-правовых отношений

вопросы защиты женщин от домашнего насилия (в том числе ответственность государства за действие частных лиц; право на эффективное расследование; искоренение гендерных стереотипов)

Отдельные правовые позиции Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по вопросу защиты лиц от домашнего насилия

В [О]бщей рекомендации № 19 о насилии в отношении женщин, принятой на 11-й сессии Комитета в 1992 году, Комитет уточнил, что понятие «дискриминации в отношении женщин», определение которого содержится в статье 1 Конвенции, *включает и гендерное насилие* (то есть «насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она –

женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие») и что такая дискриминация представляет собой нарушение прав человека женщин (пункт 1 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления Общей рекомендации № 19. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

На протяжении более 25 лет практика государств-участников свидетельствует о том, что они одобряют данное Комитетом толкование. Практика государств и *opinio juris* дают основания полагать, что *концепция недопустимости гендерного насилия в отношении женщин постепенно приобретает статус одного из принципов международного обычного права*. Общая рекомендация № 19 послужила одним из ключевых катализаторов этого процесса (пункт 2 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

В понятии *«насилие в отношении женщин»*, определение которому дано в [О]бщей рекомендации № 19 в международных договорах и [иных] документах, подчеркивается, что *речь идет о насилии, совершаемом по признаку пола*. Таким образом, в настоящей рекомендации формулировка *«гендерное насилие в отношении женщин»* используется в качестве более точного термина, который четко указывает на гендерные причины и последствия такого насилия. Этот термин также укрепляет понимание того, что *насилие – это проблема общественная, а не личная, и что ее решение требует принятия комплексных мер*, а не только мер, связанных с конкретными событиями, отдельными правонарушителями и жертвами насилия или лицами, пережившими насилие (пункт 9 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Комитет ссылается на статью 23 Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин], где указано, что *любые положения национального законодательства или международных договоров (за исключением самой Конвенции), которые в большей степени способствуют достижению равенства между мужчинами и женщинами, обладают преимущественной силой по отношению к обязательствам по Конвенции и, соответственно, по отношению к рекомендациям, содержащимся в настоящем документе*. Комитет отмечает, что эффективность действий государств-участников в целях борьбы с гендерным насилием в отношении женщин ограничивается их оговорками к Конвенции. Комитет также

отмечает, что в качестве договорного органа по правам человека он может давать оценку допустимости оговорок, сформулированных государствами-участниками, и подтверждает свое мнение о том, что оговорки, *особенно оговорки к статьям 2 и 16, выполнение положений которых имеет особенно важное значение для обеспечения результативности усилий, направленных на ликвидацию гендерного насилия в отношении женщин, не совместимы с целями и задачами Конвенции* и, следовательно, согласно пункту 2 статьи 28 Конвенции такие оговорки недопустимы (пункт 13 *Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35*).

Комитет разделяет мнение других договорных органов по правам человека и мандатариев специальных процедур о том, что *при определении того, когда акты гендерного насилия в отношении женщин следует считать равнозначными пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, необходим гендерный подход, позволяющий понять, с каким уровнем боли и страданий сталкиваются женщины*, и что требования к критериям целей и намерений применительно к классификации таких действий в качестве пыток считаются удовлетворенными тогда, когда соответствующие действия или бездействие носят гендерный характер или совершаются в отношении отдельных лиц на основе их пола (пункт 17 *Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35*).

В соответствии с Конвенцией [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] и нормами международного общего права *государство-участник несет ответственность за такие действия или бездействие своих органов и представителей, которые представляют собой гендерное насилие в отношении женщин, в том числе за действия или бездействие должностных лиц, служащих в органах исполнительной, законодательной и судебной власти*. В пункте «d» статьи 2 Конвенции предусматривается, что государства-участники и их национальные органы и представители должны воздерживаться от совершения любых прямых или косвенных дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством. Помимо обеспечения того, чтобы законы, стратегии, программы и процедуры не допускали дискриминации в отношении женщин согласно пунктам «с» и «g» статьи 2, для борьбы со всеми формами гендерного насилия в отношении женщин, совершаемого

государственными должностными лицами, *будь то на их территории или за ее пределами*, государства-участники должны обладать эффективной и доступной правовой базой и системой юридических услуг (пункт 22 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Комитет рекомендует государствам-участникам принять следующие *меры защиты*:

а) *принять и осуществлять эффективные меры по поддержке и защите женщин-истцов и свидетелей* по делам, связанным с гендерным насилием, до, во время и после судебных разбирательств, в том числе путем:

i) *обеспечения гарантий неприкосновенности их частной жизни и безопасности* (в соответствии с [О]бщей рекомендацией № 33), в том числе посредством применения учитывающих гендерную проблематику судебных процедур и мер, принимая во внимание процессуальные права жертв/пострадавших, свидетелей и обвиняемых;

ii) *внедрения в целях предотвращения новых и потенциальных актов насилия надлежащих и доступных механизмов защиты*, которые действуют независимо от того, возбуждено ли судебное разбирательство жертвой/пострадавшим лицом, а также устранения коммуникационных барьеров для жертв из числа инвалидов, при этом такие механизмы должны обладать системой непосредственной оценки рисков и обеспечения защиты, включающей широкий спектр эффективных мер, и, при необходимости, они должны быть наделены полномочиями:

– по выдаче ордеров на выселение и по предоставлению защиты,

– по изданию ограничительных и чрезвычайных запретительных приказов в отношении предполагаемых правонарушителей и по наблюдению за ними, а также:

– по наложению на последних надлежащих санкций в случае неисполнения ими таких приказов и ордеров,

и при этом применение мер защиты не должно быть сопряжено с возложением на женщин, которые стали жертвами насилия или пострадали в результате насилия, чрезмерного бремени финансового, бюрократического или личного характера, тогда как права и требования виновных или подозреваемых, о которых заявляется во время и после судебных разбирательств, в том числе права и требования, касающиеся вопросов собственности, неприкосновенности частной жизни, опекунов над детьми, доступа к детям, контактов с детьми и посещения детей, должны рассматриваться с учетом права женщин и детей на жизнь и на физическую, сексуальную и психологическую неприкосновенность и на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка;

iii) *обеспечения женщинам, ставшим жертвами насилия, и лицам, пережившим насилие, а также членам их семей доступа:*

к финансовой помощи и бесплатной или недорогостоящей высококачественной юридической помощи,

медицинским, психосоциальным и консультационным услугам, образованию,

недорогому жилью, земле,

учреждениям по уходу за детьми,

профессиональной подготовке и возможностям трудоустройства;

обеспечения потенциала сектора медико-санитарных услуг по решению проблем, связанных с полученными травмами, в том числе путем своевременного предоставления всеобъемлющих услуг, касающихся психического, сексуального и репродуктивного здоровья, включая экстренную контрацепцию и постконтактную профилактику против ВИЧ;

предоставления государствами специализированных женских вспомогательных услуг, например, возможности круглосуточно пользоваться бесплатным телефоном службы доверия, и достаточного числа безопасных и надлежащим образом оснащенных кризисных, вспомогательных и справочных центров, а также надлежащих приютов для женщин, их детей и других членов их семьи, по мере необходимости;

iv) *обеспечения для женщин, находящихся в специальных учреждениях, в том числе в домах-интернатах, центрах для беженцев и местах лишения свободы, мер защиты и поддержки, в том что касается гендерного насилия...*;

b) *обеспечения того, чтобы в рамках всех правовых процедур и мер и услуг по защите и поддержке жертв/пострадавших уважалась и укреплялась их самостоятельность*, при этом такие процедуры, меры и услуги должны быть доступны для всех женщин, особенно для тех, которые затронуты перекрестными формами дискриминации, учитывать любые особые потребности их детей и других иждивенцев, действовать на всей территории государства-участника и предлагаться независимо от наличия или отсутствия вида на жительство и способности или желания женщин сотрудничать в рамках судебных разбирательств, касающихся предполагаемых нарушителей, и при этом государства также должны придерживаться принципа невыдворения;

c) *устранить факторы, усиливающие риск того, что женщины будут подвержены серьезным формам гендерного насилия*, например, таким, как легкодоступность и свободное обращение огнестрельного оружия (включая его экспорт), высокий уровень преступности и повсеместная безнаказанность, которая может стать еще более распространенной в ситуациях вооруженного конфликта и ухудшения обстановки в плане безопасности, а также предпринять усилия по контролю за наличием и

доступностью кислот и других веществ, используемых для совершения нападений на женщин;

d) *подготовить и распространять через всевозможные средства массовой информации и посредством диалога с общинами простую для понимания информацию*, ориентированную на женщин, в частности на тех женщин, которые затронуты перекрестными формами дискриминации (например, неграмотных женщин, женщин-инвалидов, или тех женщин, которые не владеют или плохо владеют официальным государственным языком), о правовых и социальных ресурсах, имеющихся в распоряжении жертв насилия/лиц, переживших насилие, в том числе о системе возмещения ущерба (пункт 31 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Комитет рекомендует государствам-участникам принять следующие меры в отношении *судебного преследования и наказания виновных в совершении актов гендерного насилия в отношении женщин...* обеспечить реальный доступ жертв к системе правосудия и трибуналам и надлежащее реагирование властей на все случаи гендерного насилия в отношении женщин, в том числе путем применения норм уголовного законодательства и, если необходимо, то *ex officio* преследования предполагаемых виновных в целях привлечения их к суду на основе принципов справедливости, беспристрастности, своевременности и оперативности и применения соответствующего наказания, при этом жертвы/пострадавшие должны освобождаться от уплаты соответствующих пошлин и судебных сборов (пункт 32 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Комитет рекомендует государствам-участникам принять следующие меры, относящиеся к *возмещению ущерба*:

a) *обеспечить реальное возмещение ущерба* жертвам гендерного насилия в отношении женщин и пострадавшим в результате такого насилия. Возмещение ущерба должно включать в себя принятие различных мер, таких как:

- выплата денежных компенсаций,
- предоставление юридических, социальных и медико-санитарных услуг, в том числе услуг в области сексуального, репродуктивного и психического здоровья для достижения полного выздоровления жертв/пострадавших,

– а также (в соответствии с [О]бщей рекомендацией № 28, [О]бщей рекомендацией № 30 и [О]бщей рекомендацией № 33) сатисфакции и гарантии неповторения гендерного насилия. *Такие репарации должны быть адекватными, оперативными, всеохватными и соразмерными с тяжестью причиненного ущерба;*

б) создать целевые фонды возмещения ущерба или включить соответствующие статьи в бюджетные сметы уже существующих фондов, в том числе в рамках механизмов правосудия переходного периода, для целей возмещения ущерба жертвам гендерного насилия в отношении женщин. Государствам-участникам следует, принимая во внимание индивидуальные, институциональные и структурные аспекты, ввести в действие административные компенсационные системы, которые не препятствуют жертвам/пострадавшим в реализации их права на обращение в суд, и разработать преобразовательные программы возмещения ущерба, способствующие решению проблемы дискриминации и ущемления прав женщин, которая либо является непосредственной причиной насилия, либо в значительной мере поощряет его. Первоочередное внимание следует уделять проблематике свободного волеизъявления, пожеланий, решений, безопасности, человеческого достоинства и неприкосновенности личности жертв/пострадавших (пункт 33 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Дискриминация в отношении женщин по признаку пола и гендерной принадлежности... серьезно ограничивает возможности женщин в плане пользования и осуществления своих прав человека и основных свобод на основе равенства с мужчинами. Она включает в себя:

- *действия, которые причиняют ущерб или страдания физического, психического или сексуального характера,*
- *угрозу таких действий,*
- *принуждение и другие формы ущемления свободы,*
- *насилие, которое совершается в кругу семьи и в быту или в рамках любых других межличностных отношений, либо насилие со стороны или при попустительстве государства или его представителей, независимо от того, где это происходит.*

Гендерное насилие может приводить к нарушениям конкретных положений Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] вне зависимости от того, содержат ли эти положения недвусмысленное упоминание о насилии. Государства-участники обязаны проявлять должную осмотрительность для предотвращения, расследования, судебного преследования таких актов насилия по признаку пола и наказания за их совершение (пункт 19 Общей рекомендации № 28, касающейся

основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 16 декабря 2010 года. CEDAW/C/GC/28).

Насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин]. *Эти права и свободы включают:*

- a) право на жизнь;
- b) право не подвергаться пыткам и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания;
- c) право на равную защиту в соответствии с гуманитарными нормами в период международных или внутренних вооруженных конфликтов;
- d) право на свободу и безопасность личности;
- e) право на равную защиту закона;
- f) право на равенство в семье;
- g) право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья;
- h) право на справедливые и благоприятные условия труда (пункт 7 Общей рекомендации № 19 «Насилие в отношении женщин». Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин на его 11-й сессии (1992). A/47/38²³).

Конвенция [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] применима к актам насилия, совершаемым государственными органами. Помимо того, что они представляют собой нарушение данной Конвенции, подобные акты насилия могут также приводить к нарушению обязательств соответствующего государства, которые оно несет согласно общим нормам международного права в области прав человека и другим конвенциям (пункт 8 Общей рекомендации № 19 «Насилие в отношении женщин». Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин на его 11-й сессии (1992). A/47/38).

²³ «Настоящая общая рекомендация [№ 35] дополняет и обновляет руководящие указания для государств-участников, изложенные в общей рекомендации № 19, и эти две рекомендации следует рассматривать в совокупности» (пункт 8 Общей рекомендации № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления Общей рекомендации № 19. Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Размещена 26 июля 2017 года. CEDAW/C/GC/35).

Традиционные подходы, в рамках которых женщинам отводится подчиненное по отношению к мужчинам положение или стереотипные роли, ведут к сохранению широко распространенных видов практики, связанной с насилием или принуждением, например:

*насилие и злоупотребления в семье,
принуждение к вступлению в брак,
случаи, когда мужа убивают своих жен, стремясь жениться повторно и вновь получить приданое,
нападения с применением кислоты...*

Такого рода предрассудки и практика могут служить оправданием насилия в отношении женщин как своеобразной формы защиты женщин или контроля над ними. *В результате такого физического и психического насилия в отношении женщин они лишаются возможности в равной степени пользоваться правами человека и основными свободами, осуществлять и знать их* (пункт 11 Общей рекомендации № 19 «Насилие в отношении женщин». Принята Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин на его 11-й сессии (1992). А/47/38).

[Г]ендерное насилие является исключительно серьезной проблемой для здоровья женщин и государства-участники должны обеспечивать принятие и эффективное применение законов и политики, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, в целях борьбы против насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств над девочками и оказания надлежащих медицинских услуг; гендерно ориентированную профессиональную подготовку с тем, чтобы медицинские работники могли выявлять и устранять вредные для здоровья последствия насилия по признаку пола (пункт 9.10 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 12 октября 2012 года по делу «С.В.П. против Болгарии»).

[Г]осударства могут также быть ответственны за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или же расследования и наказания актов насилия (пункт 5.4 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 22 февраля 2016 года по делу «М.В. против Дании»).

Комитет вновь подтверждает, что Конвенция [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, нарушающие положения Конвенции. Комитет подчеркивает также, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принять меры с целью ликвидации

прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и изменить и трансформировать гендерные стереотипы и ликвидировать ошибочные гендерные стереотипные представления – коренную причину и следствие дискриминации в отношении женщин. Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться как государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти, так и частными субъектами (пункт 7.2 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года по делу «О.Г. против Российской Федерации»).

Комитет полагает, что *если насилие в отношении бывшего супруга или партнера связано с тем, что это лицо ранее находилось с правонарушителем в отношениях, как это имеет место в настоящем случае, то время, прошедшее с момента прекращения отношений, не имеет значения, как и тот факт, живут ли вместе лица, о которых идет речь. Комитет напоминает также о том, что в соответствии со Стамбульской конвенцией под семейно-бытовым насилием понимаются «любые акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту либо между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» (статья 3 «b»).* Конвенция не предусматривает узаконенного ограничения сроков относительно того, на протяжении какого времени после прекращения отношений супруг или партнер может утверждать, что насилие со стороны бывшего партнера подпадает под определение «семейно-бытового» насилия (пункт 7.4 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года по делу «О.Г. против Российской Федерации»).

Комитет напоминает также о том, что в соответствии со статьями 2 «a», «c», «d» и «e» и 5 «a» Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] государство-участник обязано изменить или отменить не только действующие законы и положения, но и обычаи и практику, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. В этой связи Комитет подчеркивает: *применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым или гендерным насилием, как отмечается в [О]бщей рекомендации № 33 (2015) по вопросу о доступе женщин к правосудию (пункт 7.5 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года по делу «О.Г. против Российской Федерации»).*

Комитет напоминает... о своих Заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника, в которых он рекомендовал государству-участнику в срочном порядке принять всеобъемлющее законодательство для предотвращения и пресечения насилия в отношении женщин, включая семейно-бытовое насилие; предусмотреть преследование *ex officio* за семейно-бытовое и сексуальное насилие; гарантировать женщинам и девочкам, ставшим жертвами насилия, незамедлительный доступ к средствам возмещения ущерба и защиты; и обеспечить привлечение виновных лиц к судебной ответственности и наказание их надлежащим образом (CEDAW/C/RUS/CO/8). По мнению Комитета, *тот факт, что жертве семейно-бытового насилия приходится выдвигать обвинение в частном порядке, в соответствии с которым бремя доказывания возлагается полностью на нее, лишает жертву доступа к правосудию*, как это было отмечено в пункте 15 «g» его [О]бщей рекомендации № 33 (пункт 7.7 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года по делу «О.Г. против Российской Федерации»).

Комитет ссылается на пункты 26 и 27 своей [О]бщей рекомендации № 33 (2015), касающейся доступа женщин к правосудию, в которых говорится следующее: [ч]асто судьи устанавливают жесткие требования в отношении того, что, по их мнению, является надлежащей нормой поведения для женщины, и подвергают наказанию тех, кто не соответствует этим стереотипам. Стереотипы также негативно сказываются на доверии к заявлениям женщин, к приводимым ими аргументам и свидетельским показаниям в качестве сторон и свидетелей в суде. Существование тех или иных стереотипов может стать причиной неверного толкования или применения законов судьями. Оно чревато серьезными последствиями, например, в области уголовного права, где преступники могут в результате избежать предусмотренного законом наказания за нарушения прав женщин, что ведет к поощрению культуры безнаказанности. Во всех областях права стереотипы ставят под угрозу беспристрастность и добросовестность судебной системы, что, в свою очередь, может стать причиной судебных ошибок, включая повторную виктимизацию истца.

Судьи, магистраты и третейские судьи не являются единственными действующими лицами в системе правосудия, которые применяют, поддерживают и закрепляют стереотипы. Прокуроры, сотрудники правоохранительных органов и другие участники процесса часто находятся под влиянием стереотипов в ходе следствия и судебного разбирательства, особенно при рассмотрении дел, связанных с гендерным насилием; при этом такие стереотипы подчас дискредитируют аргументы потерпевшей

стороны/жертвы и одновременно поддерживают доводы, выдвигаемые защитой обвиняемой стороны. В результате стереотипы могут определять ход расследования и судебного разбирательства, а также характер принимаемых судебных решений (пункт 8.6 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года по делу «*Й.И. против Финляндии*»).

Права или требования преступников или подозреваемых в преступлениях в ходе и после судебного разбирательства, в том числе в отношении собственности, неприкосновенности частной жизни, опеки над детьми, права доступа, контактов и посещений, должны определяться с учетом прав женщин и детей на жизнь и на физическую, сексуальную и психологическую неприкосновенность; руководствоваться при этом следует принципом обеспечения наилучших интересов ребенка. *Если государство-участник не принимает все необходимые меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их.* Такая пассивность и такое бездействие составляют нарушение прав человека (пункт 8.8 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года по делу «*Й.И. против Финляндии*»).

[С]облюдение государством-участником своих обязательств по обеспечению эффективной правовой защиты женщин от любых дискриминационных действий и искоренению гендерных предрассудков и стереотипов в соответствии с пунктами «с» и «d» статьи 2 и пунктом «а» статьи 5 Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] *необходимо оценивать исходя из того, в какой мере в ходе судебного разбирательства по делу автора сообщения учитывались гендерные аспекты* (пункт 9.6 Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2019 года по делу «*Ш.Т. против Российской Федерации*»).

Дело «*X.X., И.Х. и Ю.Х. против Грузии*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 октября 2021 года. Сообщение № 140/2019²⁴. Непроведение эффективного расследования случая гибели женщины, пострадавшей вследствие домашнего насилия. Представленные факты свидетельствовали о нарушении прав жертвы домашнего насилия по статьям 2, 5, рассматриваемым в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в свете Общих рекомендаций № 19 и № 35.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принято к сведению утверждение государства-участника о том, что его правоохранительные органы не знали о сговоре родственников Д. против нее, но тем не менее 16 сентября 2014 года они отвезли ее в дом сельского старосты, откуда, поговорив с матерью, она вернулась в дом своих родителей с условием, изложенным в письменном виде, что там ее никто не обидит. Полицейские также приходили проверить ее состояние. Комитет отметил – согласно материалам дела мать Д. указала в своих свидетельских показаниях на то, что сельский староста не перевел вопрос Д. к полиции о том, почему они не арестовали тех, кто ее избил. Кроме того, сельский староста показал, что Д. сказала ему – ее родственники посоветовали ей принять крысиный яд и покончить с собой. Она попросила его забрать ее из дома родственников, чтобы ее не убили. Когда ее привезли в его дом, то между ней и ее матерью произошла «крупная ссора». Затем староста дал указание полиции вернуть Д. родственникам при условии, что ее никто не тронет, поскольку эти родственники звонили ему. Комитет отметил: эти факты свидетельствовали о том, что Д. находилась в крайней опасности, которая сохранялась из-за решения властей вернуть ее родственникам, которые, как известно, накануне вечером сказали ей покончить с собой. Таким образом, Комитет счел следующее – власти государства-участника не смогли обеспечить эффективную защиту Д. от дискриминации по признаку пола и принять все необходимые меры для ликвидации такой дискриминации. Он с сожалением

²⁴ Как усматривалось из текста Мнений, авторы в числе прочего заявляли о нарушении статьи 2 (пункт «b») Конвенции. Они утверждали, что Закон о пресечении насилия в семье, защите и помощи жертвам семейного насилия 2006 года не охватывал насилие в отношении женщин со стороны членов расширенной семьи в тот период, когда Д. была избита и скончалась. Авторы заявляли и о нарушении пунктов «с» и «е» статьи 2 Конвенции, поскольку правоохранительные органы государства-участника не приняли разумных мер для защиты г-жи Д. Авторы также заявляли о нарушении пунктов «с» и «е» статьи 2 Конвенции, ссылаясь на то, что расследование, судебное преследование и наказание лиц, избивших Д., не проводилось.

Информация об этом деле изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2022)*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL:

http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/31504/

отметил, что власти государства-участника исходили из соображений защиты «чести», и счел, что они не смогли защитить ее право на жизнь (пункт 7.4 Мнений).

Комитет отметил утверждение авторов о нарушении пунктов «b», «c» и «e» статьи 2 Конвенции на основании того, что государство-участник не провело расследование, судебное преследование и наказание лиц, виновных в избиении и смерти Д. Комитет также обратил внимание на замечание государства-участника о сложности дела и причинах отказа от проведения судебно-медицинской экспертизы. Комитет счел, ссылка государства-участника на причастность нескольких лиц не может служить оправданием продолжительного расследования, особенно учитывая то обстоятельство, что личности причастных, как представляется, никогда не оспаривались. Комитет указал: необходимость перевода материалов дела не может считаться оправданием того, что расследование ведется уже более шести лет. Комитет далее отметил, после смерти Д. власти решили не проводить судебно-медицинскую экспертизу из-за возражений ее родственников, которые, как им было известно, сказали ей покончить с собой. Комитет установил, что: государство-участник не оспаривало – Закон о пресечении насилия в семье, защите и помощи жертвам семейного насилия 2006 года не охватывал насилие в отношении женщин со стороны членов расширенной семьи в тот период, когда Д. была избита и скончалась. Также не оспаривалось отсутствие законодательного положения, позволяющего не проводить судебно-медицинскую экспертизу на таком основании, или необходимость такой экспертизы для определения того, когда Д. были нанесены телесные повреждения — до ее смерти или в момент ее смерти. Учитывая данные обстоятельства и напоминая о своей рекомендации государству-участнику обеспечить эффективное расследование случаев гендерного насилия в отношении женщин, преследовать и наказывать виновных с применением наказаний, соизмеримых с тяжестью преступления, и предоставлять жертвам адекватную компенсацию за причиненный ущерб, Комитет счел, что власти государства-участника не выполнили свое обязательство по расследованию обстоятельств и наказанию лиц, виновных в жестоком обращении, которому подверглась Д., и в ее смерти (пункт 7.5 Мнений).

Комитет принял к сведению утверждение авторов о нарушении пункта «f» статьи 2 и пункта «a» статьи 5 Конвенции, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции, и в свете Общих рекомендаций № 19 и № 35. Комитет отметил, что государство-участник не объяснило, каким образом принятые меры помогли Д. Он счел, что жестокое обращение с Д., отказ в проведении вскрытия из-за возражений ее родственников, которые, как известно, представляли для нее угрозу, квалификация прокурором ее поведения как «позорного» и решение о прекращении расследования на основании вывода о том, что она совершила самоубийство из-за своего

«позорного» поведения и неверности, подтвердили – Д. стала жертвой пересекающейся дискриминации, связанной с ее этнической принадлежностью и стереотипным отношением полиции и судебных органов (пункт 7.6 Мнений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении прав Д. по статьям 2, 5, рассматриваемым в совокупности со статьями 1 и 3 Конвенции, в свете Общих рекомендаций № 19 и № 35.

Дело «*Ш.Т. против Российской Федерации*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 25 февраля 2019 года. Сообщение № 65/2014²⁵. Национальные органы власти, не предоставив автору эффективной юридической защиты и, не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, допустили, чтобы стереотипные представления влияли на мотивировку их решения. Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника соответствующим образом не защитили автора от домашнего насилия и не наказали виновного надлежащим образом, нарушив тем самым свои обязательства по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент государства-участника о том, что наказание бывшего мужа автора было соразмерно тяжести совершенного им преступления, в частности, районный суд признал его виновным в причинении тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта и приговорил его к 9 месяцам и 8 дням лишения свободы, что соответствует мерам наказания, установленным в статье 113 Уголовного кодекса Российской Федерации. Он также обратил внимание на аргумент государства-участника о том, что суд отклонил требования автора о компенсации морального и материального ущерба согласно национальному законодательству (пункт 9.2 Мнений).

Комитет отметил, что сторона обвинения *proprio motu*²⁶ обратилась в суд с ходатайством о смягчении наказания, предлагая переквалифицировать преступление, которое вменялось в вину обвиняемому, с покушения на убийство на нанесение тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта, и что районный суд отдал предпочтение версии событий, изложенной

²⁵ Автор сообщения утверждала, что Российская Федерация нарушила ее права, гарантированные в соответствии с пунктами «с» и «d» статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом «а» статьи 5 Конвенции, поскольку власти не смогли предотвратить и эффективно расследовать жестокое физическое и психологическое насилие, совершенное в отношении нее ее бывшим мужем.

Информация об этом деле была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1(2020)*.

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28831/

²⁶ По собственной инициативе.

защитой, согласно которой автор неоднократно оскорбляла своего бывшего мужа, не уделив при этом должного внимания тому факту, что ранее г-ном Т. совершались акты домашнего насилия, что подтверждалось свидетельскими показаниями и документами о полученных автором телесных повреждениях. Суд проигнорировал уязвимое положение автора и предыдущее осуждение г-на Т. за причинение автору телесных повреждений (пункт 9.6 Мнений).

Суд придал большое значение заявлениям свидетелей защиты о том, что автор вела себя провокационно, оскорбляя своего бывшего мужа, и принял во внимание только позитивное описание его характера, представленное местной администрацией мечети. В то же время суд не придал таковой же значения показаниям свидетелей, подтверждающим версию событий автора, свидетелей, которые жили под одной крышей с виновником и жертвой (пункт 9.7 Мнений).

Комитет отметил, что вышестоящий суд полностью поддержал решение районного суда, внес лишь одну поправку, а именно: исключив упоминание о предыдущем осуждении г-на Т. мировым судом за бытовое насилие. Кроме того, Комитет также установил, что суды не вынесли положительного решения ни по одному из исков автора о компенсации, хотя имели на это дискреционные полномочия. Комитет обратил внимание на то, что автор никогда не имела доступа ни к приютам, ни к бесплатной юридической помощи и представительству, как и не могла обратиться с ходатайством о вынесении запретительного судебного приказа или охранный ордера, поскольку такие меры не предусмотрены законом (пункт 9.8 Мнений).

Комитет указал: ни один из этих фактов²⁷ не оспаривался государством-участником и что в целом они указывали на то, что национальные органы власти, не предоставив автору эффективной юридической защиты и, не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, допустили, чтобы стереотипные представления влияли на мотивировку их решения. Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника соответствующим образом не защитили автора от домашнего насилия и не наказали виновного надлежащим образом, нарушив тем самым свои обязательства по Конвенции (пункт 9.9 Мнений).

Комитет счел, что невнесение государством-участником поправок в свои законодательные акты, касающиеся семейно-бытового насилия, непосредственно повлияло на право автора требовать правосудия и получать доступ к эффективным средствам правовой защиты и мерам защиты. Он также пришел к выводу: данное дело свидетельствовало о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство принять все соответствующие меры с целью изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения

²⁷ См.: пп. 9.6 – 9.8 Мнений.

предрассудков и упразднения обычаев и всей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (пункт 9.11 Мнений).

Комитет пришел к выводу о том, что с учетом Общей рекомендации № 19 и Общей рекомендации № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин подход властей государства-участника к рассмотрению дела автора представлял собой нарушение ее прав в соответствии с пунктами «с» и «d» статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом «а» статьи 5 Конвенции. В частности, Комитет признал, что автору был причинен моральный ущерб и вред. Будучи лишенной надлежащей государственной защиты, она подвергалась жестокому физическому и психологическому гендерному насилию, при этом она постоянно подвергалась жестокому обращению со стороны [бывшего] мужа и получила повторную травму, когда государственные органы, которые должны были быть ее защитниками, в частности полиция и суд, не смогли предотвратить насилие и впоследствии не смогли адекватно наказать виновного или предоставить компенсацию потерпевшей (пункт 9.12 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым нарушило права автора, предусмотренные пунктами «с» и «d» статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1, и пунктом «а» статьи 5 Конвенции (пункт 10 Мнений)²⁸.

²⁸ Комитет вынес государству-участнику *следующие рекомендации*:

a) *в отношении автора сообщения*: предоставить автору надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений ее прав;

b) *общие положения*:

i) выполнить свои обязательства в области уважения, защиты, поощрения и реализации прав человека женщин, в том числе права на защиту от всех форм гендерного насилия, включая бытовое насилие, запугивание и угрозы применения насилия на своей территории;

ii) незамедлительно пересмотреть свое законодательство в целях приведения его в полное соответствие с Конвенцией и международными стандартами, обеспечив, в частности, чтобы все акты гендерного насилия, в том числе акты насилия в семье, квалифицировались в качестве уголовных преступлений и наказывались соответствующими мерами наказания и чтобы для жертв были юридически доступны такие юридические инструменты, как запретительные судебные приказы и охранные ордера;

iii) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все сообщения о насилии в отношении женщин по признаку пола, обеспечить возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;

iv) предоставлять жертвам насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную юридическую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с методическими указаниями, изложенными в [О]бщей

Дело «*О.Г. против Российской Федерации*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 6 ноября 2017 года. Сообщение № 91/2015²⁹. Не расследовав жалобу автора сообщения по поводу угроз смертельной расправы и угроз насилия оперативным, надлежащим и эффективным образом и не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, органы власти допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений влияли стереотипные представления. В связи с этим Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника не приняли своевременных и адекватных мер и не защитили автора сообщения от насилия и запугивания в нарушение своих обязательств, предусмотренных Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

рекомендации № 33 Комитета, и обеспечить, чтобы жертвам насилия в семье и их детям предоставлялась оперативная и соответствующая поддержка, включая предоставление убежища и психологической помощи;

v) предлагать правонарушителям программы реабилитации и программы использования ненасильственных методов урегулирования конфликтов;

vi) подписать и ратифицировать Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием;

vii) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, в том числе прокуроров, по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности Общих рекомендаций № 19, № 28 и № 35;

viii) при активном участии всех заинтересованных сторон, таких как женские организации и религиозные лидеры, разработать и принять эффективные меры по искоренению стереотипов, предрассудков, обычаев и традиций, которые оправдывают или допускают бытовое насилие;

ix) оперативно и незамедлительно учесть заключительные замечания Комитета по восьмому периодическому докладу Российской Федерации в связи с насилием в отношении женщин и девочек.

В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику надлежит опубликовать мнения и рекомендации Комитета и обеспечить их широкое распространение во всех слоях общества (пункты 11 – 12 Мнений).

²⁹ Автором сообщения является О.Г. Она утверждала, что является жертвой нарушения Российской Федерацией ее прав, предусмотренных статьей 1, пунктами «b» – «g» статьи 2 Конвенции, которые рассматриваются в совокупности с Общей рекомендацией № 19 (1992) Комитета, касающейся насилия в отношении женщин, и Общей рекомендацией № 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, и статьями 3 и 5 Конвенции.

Информация об этом деле была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2018)*.

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsr.ru/documents/international_practice/27473/

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: соблюдение государством-участником своих обязательств по искоренению гендерных стереотипов в соответствии со статьями 2, 5 Конвенции необходимо оценивать исходя из того, в какой мере в ходе судебного разбирательства по делу автора сообщения учитывались гендерные аспекты. В этой связи Комитет отметил, что для вынесения постановления в отношении ходатайства автора сообщения о том, чтобы ей были предоставлены меры защиты, районному суду потребовалось 22 дня вместо 3, предусмотренных законом. Комитет с обеспокоенностью отметил также, что в период с февраля по август 2013 года автор сообщения обращалась в полицию с официальными жалобами 4 раза и что все ее жалобы закончились отказом в возбуждении уголовного дела, несмотря на прямое постановление районной прокуратуры и районного суда допросить К. и осуществить все другие необходимые следственные процедуры. Для защиты автора сообщения от насилия со стороны ее бывшего партнера органы власти не приняли никаких других мер, и по прошествии более чем 3 лет после событий, о которых идет речь, органы власти все еще даже не подвергли К. допросу. Когда суд в итоге вынес постановление в отношении упомянутого ходатайства, то в качестве основания для отказа в предоставлении мер защиты он сослался на отказ полиции возбудить уголовное дело против К. и на отсутствие «реальной угрозы», хотя за месяц до этого тот же суд признал этот же отказ незаконным и необоснованным. Комитет обратил внимание: ни один из этих фактов государством-участником не оспаривался и в целом они указывали на то, что, не расследовав жалобу автора сообщения по поводу угроз смертельной расправы и угроз насилия оперативным, надлежащим и эффективным образом и не рассмотрев ее дело с учетом гендерных аспектов, органы власти допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений влияли стереотипные представления. В связи с этим Комитет пришел к выводу о том, что органы власти государства-участника не приняли своевременных и адекватных мер и не защитили автора сообщения от насилия и запугивания в нарушение своих обязательств, предусмотренных Конвенцией (пункт 7.6 Мнений).

Комитет счел, что невнесение государством-участником поправок в свои законодательные акты, касающиеся семейно-бытового насилия, непосредственно повлияло на возможность для автора сообщения требовать правосудия и получить доступ к эффективным средствам правовой защиты и мерам защиты. Он также отметил: данное дело свидетельствовало о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство принять все соответствующие меры с целью изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (пункт 7.8 Мнений).

Выводы Комитета: порядок рассмотрения дела автора сообщения полицией, прокуратурой и судебными органами государства-участника нарушает ее права, предусмотренные статьями 1, 2, 3 и 5 Конвенции. В частности, Комитет отметил, что автор сообщения понесла моральный ущерб и стала жертвой предрассудков. Оставшись без защиты государства, подвергаясь периодически преследованию со стороны своего обидчика, она испытала страх и страдания и получила повторную травму, когда государственные органы, которые должны были выступать в роли ее защитника, в особенности полиция, отказались обеспечить ее защиту и не признали ее в качестве жертвы (пункт 7.7 Мнений).

Дело «*Й.И. против Финляндии*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 5 марта 2018 года. Сообщение № 103/2016³⁰. Комитет счел, что при принятии решения об опеке над Е.А. органы власти действовали под влиянием стереотипных и, следовательно, дискриминационных представлений о семейно-бытовом насилии; это выразилось в том, что повторяющиеся факты одностороннего насилия со стороны Й.А. были расценены как разногласия между родителями с указанием на то, что оба родителя совершали насильственные действия; при этом нет никаких свидетельств в пользу такой трактовки, за исключением заявления, сделанного автором на следующий день после того, как она подверглась жестокому нападению; не придав значения уголовному приговору в отношении Й.А., органы власти возложили обязанности по опеке над ребенком на человека, склонного к насилию. Таким образом, органы власти не обеспечили должного контроля в соответствии с их обязательствами по статьям 2, 15, и 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в исследованных аспектах.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: перед Комитетом стоял вопрос о том, выполнило ли государство-участник свою обязанность проявлять должную осмотрительность в связи с защитой автора от домашнего насилия со стороны Й.А. и с расследованием случаев проявления такого насилия. Задача Комитета состояла в том, чтобы в свете положений Конвенции проанализировать решения, принятые национальными органами власти в рамках их компетенции, и определить,

³⁰ Как усматривалось из текста Мнений, по утверждению автора, непринятие государством-участником мер по предупреждению семейно-бытового насилия затрагивало женщин в большей степени, чем мужчин, что представляло собой нарушение статьи 1 Конвенции. Она заявляла, что государство-участник не считало семейно-бытовое насилие реальной и серьезной угрозой. Законодательство и практика государственных органов, включая судебную систему, не признавали существования гендерного насилия и его последствий (пункт 3.1 Мнений).

Информация об этом деле была изложена в подготовленном в Верховном Суде Российской Федерации *Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2(2018)*.

Размещен на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27473/

принимали ли они во внимание при вынесении этих решений обязательства, вытекающие из Конвенции. Следовательно, в данном случае решающим фактором являлось выяснение того, применяли ли эти органы принципы должной осмотрительности и приняли ли они разумные меры для обеспечения защиты автора сообщения и ее сына от возможных рисков в условиях продолжающегося насилия в семье без дискриминации по признаку пола (пункт 8.2 Мнений).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что оно имеет строгую и всеобъемлющую законодательную базу, призванную обеспечить равенство между мужчинами и женщинами и максимально защитить интересы ребенка, а также о том, что именно в рамках этого законодательства принимались решения о праве на опеку над Е.А. и на общение с ним. Комитет также принял к сведению заявление государства-участника о том, что утверждения автора носят общий характер. Далее Комитет учел утверждение автора о том, что соответствующие законы существуют, но что де-факто лица, принимающие решения в национальных органах, и сотрудники правоохранительных органов не применяют их надлежащим образом: гендерные стереотипы влияют на то, какое значение придается показаниям жертв и лиц, находящихся в уязвимом положении, которыми часто оказываются женщины и дети, при сопоставлении этих показаний со словами лиц, совершающих преступления; кроме того, принято к сведению заявление автора о том, что органы власти государства-участника не обеспечили защиту ей и ее сыну в силу гендерных стереотипов при принятии решений, основанных на принижении степени опасности насилия, исходящего от отца. Комитет счел, что замечания автора о национальном законодательстве и о практике его применения имеют отношение к ее личному делу (пункт 8.3 Мнений).

Комитет с обеспокоенностью отметил – принятое им и затем повторенное ходатайство о принятии временных мер так и не было передано местным органам власти и что не было принято никаких мер для защиты Е.А. от предполагаемого насилия со стороны отца (пункт 8.4 Мнений).

Комитет установил: окружной суд поставил под сомнение психическое здоровье жертвы семейно-бытового насилия и ее враждебность по отношению к предполагаемому правонарушителю, но не усомнился в психической стабильности лица, обвиняемого в преступлениях, связанных с применением насилия, и не провел оценку его состояния, прежде чем предоставить ему право единоличной опеки над ребенком. Комитет указал, что практически сразу после принятия решения о передаче опеки прокурор выдвинул против Й.А. обвинение в нападении с применением насилия, однако две недели спустя Е.А. был передан отцу без проведения дополнительных проверок. Комитет также отметил, что в связи с рассмотрением дела об опеке и о предоставлении права общения мать ребенка проходила психиатрическую экспертизу, которая не выявила

никаких причин для беспокойства; при этом в отношении отца такая проверка не проводилась, несмотря на то что он был осужден по уголовному делу. Комитет обратил внимание: в итоговом решении по делу об опеке, принятом 14 октября 2013 года, практически или даже полностью отсутствовало обоснование причин передачи опеки от матери к отцу ребенка; что ни в решении Апелляционного суда, ни в решении по ходатайству о разрешении на подачу апелляции в Верховный суд не объяснялось, почему в процессе принятия этого решения вопросу о насилии в семье не придавалось первостепенного значения – даже после того, как в промежутке между расследованиями Й.А. был осужден за нападение на автора сообщения; что по заявлениям, поданным в полицию, не были проведены расследования; и что, несмотря на ряд сообщений, полученных от органов опеки, и на обвинительный приговор, вынесенный отцу ребенка, не были проведены ни расследование, ни оценка его способности выполнять родительские обязанности. По мнению Комитета, также было допущено нарушение обязательства проявлять должную осмотрительность, поскольку потребовалось больше года для того, чтобы Й.А. был доставлен на допрос в связи с жалобами на его преступное поведение (пункт 8.5 Мнений).

Комитет отметил, что несоблюдение государством-участником обязательства проявлять должную осмотрительность, выразившееся в отношении полиции и различных судов к жалобам автора, привело к нанесению ущерба наилучшим интересам Е.А. и к ущемлению его права на равное отношение к его матери в ходе рассмотрения вопроса об опеке в соответствии со статьей 16 Конвенции (пункт 8.7 Мнений).

Комитет счел, что при принятии решения об опеке над Е.А. органы власти действовали под влиянием стереотипных и, следовательно, дискриминационных представлений о семейно-бытовом насилии; это выразилось в том, что повторяющиеся факты одностороннего насилия со стороны Й.А. были расценены как разногласия между родителями с указанием на то, что оба родителя совершали насильственные действия; при этом нет никаких свидетельств в пользу такой трактовки, за исключением заявления, сделанного автором на следующий день после того, как она подверглась жестокому нападению; не придав значения уголовному приговору в отношении Й.А., органы власти возложили обязанности по опеке над ребенком на человека, склонного к насилию. Таким образом, органы власти не обеспечили должного контроля в соответствии с их обязательствами по статьям 2, 15, и 16 Конвенции в исследованных аспектах (пункт 8.9 Мнений).

Комитет отметил, что государство-участник взяло на вооружение модель борьбы с семейно-бытовым насилием, отличающуюся широким охватом и включающую меры законодательного характера, повышение уровня осведомленности, образование и наращивание потенциала. Тем не менее Комитет сослался на проблемы, поднятые в его заключительных

замечаниях к периодическому докладу, представленному ему государством-участником в 2014 году, в частности, в связи с насилием в отношении женщин. Он отметил, что для того, чтобы женщина, ставшая жертвой бытового насилия, могла на практике воспользоваться принципом недискриминации и фактического равенства, а также осуществлять свои права человека и основные свободы, – политическая воля, которая нашла выражение в принятой модели, должна поддерживаться всеми государственными субъектами, участвующими в исполнении взятых государством-участником обязательств по соблюдению должной осмотрительности. К числу таких обязательств относится расследование случаев пренебрежения и упущений со стороны органов государственной власти, в результате которых жертвы могут остаться без защиты. Комитет пришел к заключению, что в данном случае это обязательство не было исполнено в отношении жалоб автора на Й.А., обращения с нею в судах, а также в отношении ходатайства Комитета о принятии временных мер (пункт 8.10 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило права автора сообщения и ее сына, предусмотренные статьям 2, 15, и 16 Конвенции в исследованных аспектах (пункт 9 Мнений).

вопросы правовой квалификации совершенного уголовно-наказуемого деяния

Дело «*С.В.П. против Болгарии*». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 12 октября 2012 года. Сообщение № 31/2011³¹. Комитет счел, что в данном деле государство-участник не выполнило свою

³¹ Как усматривалось из текста Мнений, автор заявляла, что государство-участник не проявило должной оперативности в предоставлении эффективной защиты дочери автора от сексуального насилия, жертвой которого она явилась, и его последствий. Автор утверждала, что государство-участник не обеспечило ее право на эффективное возмещение причиненного морального ущерба. К тому же в результате сексуального насилия права дочери автора на здоровье, включая репродуктивное здоровье и образование, были нарушены и могут нарушаться и впредь. Далее автор заявляла, что государство-участник не предоставило дочери автора надлежащих реабилитационных и консультативных услуг. Автор утверждала также, что государство-участник не приняло адекватных законодательных и политических мер с тем, чтобы защитить права ее дочери от опасности нового насилия со стороны преступника, поскольку он продолжал проживать в соседнем многоквартирном доме. Автор далее указывала, что правам ее дочери не обеспечена защита от стереотипного отношения к ней как к ребенку с ограниченными возможностями, пережившему сексуальное насилие, а также от бытующего в обществе восприятия сексуального насилия, жертвой которого она оказалась, в качестве легкой формы насилия, чему способствовало законодательство (пункт 3.2 Мнений).

обязанность предпринять позитивные действия в соответствии со статьей 2 Конвенции и принять надлежащие положения уголовно-правового характера с целью эффективного наказания обвиняемого лица в изнасиловании и в сексуальном насилии и применить их на практике посредством проведения результативного расследования и уголовного преследования. Оно также не приняло законодательные меры, способные обеспечить поддержку и защиту потерпевшей в результате такого насилия, что представляло собой нарушение статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Правовые позиции Комитета: в соответствии со статьей 2 Конвенции государства-участники несут обязательство ликвидировать дискриминацию в отношении женщин любого возраста, включая девочек. Комитет далее напоминает, что определение дискриминации, содержащееся в статье 1 Конвенции, охватывает насилие в отношении женщин, так как это – насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она – женщина, и оказывающее на женщин несоразмерное воздействие, а также что это определение включает действия, причиняющие ущерб или страдания физического, психического или полового характера, угрозу совершения таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы. Гендерное насилие может приводить к нарушениям конкретных положений Конвенции вне зависимости от того, содержат ли эти положения недвусмысленное упоминание о насилии. Комитет также ссылается на свою Общую рекомендацию № 19, согласно которой государства-участники должны принимать надлежащие и эффективные меры в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин: будь то со стороны государственных органов или частных лиц. Помимо этого на государства-участников в соответствии со статьей 2 Конвенции может быть возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации (пункт 9.3 Мнений).

Комитет напоминает, что статья 2 устанавливает обязательство государств-участников предоставлять правовую защиту и отменять или изменять дискриминационные законы и нормы в качестве части политики ликвидации дискриминации в отношении женщин и обязательство принимать меры для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин (пункт 9.4 Мнений).

Комитет напоминает, что гендерное насилие является исключительно серьезной проблемой для здоровья женщин и что государства-участники должны обеспечивать принятие и эффективное применение законов и

политики, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, в целях борьбы против насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств над девочками и оказания надлежащих медицинских услуг; гендерно ориентированную профессиональную подготовку с тем, чтобы медицинские работники могли выявлять и устранять вредные для здоровья последствия насилия по признаку пола (пункт 9.10 Мнений).

Комитет отмечает, что статья 15 Конвенции закрепляет принцип равенства перед законом и что в соответствии с этой статьёй Конвенция предписывает обеспечивать защиту статуса женщин перед законом, будь то заявителя, свидетеля или жертвы, и что вышеизложенное включает право на адекватную компенсацию в случаях насилия, в том числе сексуального насилия (пункт 9.11 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: дочь автора сообщения в 2004 году стала жертвой акта сексуального насилия; уголовное дело в отношении исполнителя этого преступления было возбуждено лишь 17 апреля 2006 года, то есть по прошествии почти 2 лет со дня совершения преступления; производство по делу было прекращено в июне 2006 года после одобрения судом соглашения между прокурором и обвиняемым, которое предусматривало отсрочку исполнения приговора и не обеспечивало выплату компенсации за боль и страдания, перенесённые потерпевшей; решение суда по гражданским делам, обязавшего виновного выплатить компенсацию за «моральный ущерб», было вынесено лишь 5 февраля 2008 года после предъявления автором частного гражданского иска, то есть 4 года спустя после совершения акта сексуального насилия в отношении дочери автора сообщения; решение де-факто не могло быть исполнено с помощью механизмов, предусмотренных внутренним правом. Наряду с этим Комитет отметил утверждения автора сообщения о неспособности государства-участника обеспечить её дочери защиту от последствий сексуального насилия, включая неспособность обеспечить выплату компенсации и реабилитацию, что равносильно её дискриминации и препятствовало полному осуществлению её прав человека, о том, что женщины и девочки в Болгарии гораздо чаще, нежели мужчины, страдают от сексуального насилия и отказа государства принять серьёзные меры по борьбе с таким насилием, основными жертвами которого в Болгарии являются девочки, и о неспособности государства-участника обеспечить им право на эффективную компенсацию ущерба, причинённого в результате насилия (пункт 9.2 Мнений).

Комитет далее обратил внимание на то, что государство-участник не предоставило какого-либо объяснения причин, по которым акт сексуального насилия в отношении дочери автора преследовался в уголовном порядке по обвинению в развратных действиях, а не в изнасиловании или покушении на изнасилование. Комитет счел, что факты данного дела свидетельствовали об

анальном проникновении сексуального характера, совершённом частью тела исполнителя деяния, а также о покушении на изнасилование. Комитет отметил: в отношении исполнителя деяния было возбуждено уголовное дело по статье 149 Уголовного кодекса, совершённое деяние не квалифицировалось в качестве тяжкого преступления и что наказание за такие акты сексуального насилия не было равнозначно наказанию, назначаемому по статье 152 Уголовного кодекса за изнасилование или покушение на изнасилование, и в данном деле существовала и была использована возможность достижения мирового соглашения. Комитет с озабоченностью установил, что обвиняемому было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с отсрочкой исполнения приговора и это наказание оказалось значительно ниже установленного законом максимального предела. Комитет счел: в данном деле государство-участник не выполнило свою обязанность предпринять позитивные действия в соответствии со статьей 2 Конвенции и принять надлежащие положения уголовно-правового характера с целью эффективного наказания изнасилования и сексуального насилия и применить их на практике посредством проведения результативного расследования и уголовного преследования обвиняемого. Оно также не приняло законодательные меры, способные обеспечить поддержку и защиту потерпевшей в результате такого насилия, что представляет собой нарушение статьи 2 Конвенции (пункт 9.5 Мнений).

Комитет отметил, что в 2006 году государство-участник внесло изменение в статью 149 Уголовного кодекса, квалифицировав деяния, перечисленные в части 1 статьи 149 Уголовного кодекса, в качестве «тяжких преступлений», и что по обвинениям, выдвинутым на основании этой статьи, невозможно достижение мирового соглашения. Вместе с тем Комитет указал на то, что, несмотря на эти законодательные изменения, наказание за деяние, предусмотренное статьей 149 Уголовного кодекса, всё ещё остаётся более мягким, нежели наказание за изнасилование или покушение на изнасилование, и что преступления против половой неприкосновенности продолжают преследоваться как «развратные действия». Комитет далее подчеркнул: в соответствии со статьей 158 Уголовного кодекса преступления, предусмотренные статьями 149–151 и 153, не наказывались или назначенное за их совершение наказание не отбывалось, если до вступления приговора в законную силу между мужчиной и женщиной заключался брак. Вышеупомянутые статьи охватывали случаи развратных действий и изнасилования. Комитет счел, что такие законодательные положения не соответствовали положениям Конвенции, и напомнил, что в своих заключительных замечаниях по итогам рассмотрения объединённых четвертого – седьмого периодических докладов Болгарии он рекомендовал отменить статью 158 Уголовного кодекса. Комитет установил, что государство-участник не пересмотрело и не отменило упомянутое положение

закона в свете своих обязательств по статье 2 Конвенции. Комитет далее отметил – указанное положение отражает вредные гендерные стереотипы, противоречащие статье 5 Конвенции (пункт 9.6 Мнений).

Комитет также подчеркнул, что действующее законодательство не предусматривало никаких механизмов защиты жертв сексуального насилия от повторной виктимизации, поскольку лица, виновные в совершении таких деяний, возвращались в общество после завершения уголовного судопроизводства, и что не существовало какого-либо правового механизма, такого, как защитительный и/или ограничительный приказ, для обеспечения защиты потерпевших. Комитет пришел к выводу: отсутствие подобных положений привело к нарушению прав дочери автора ввиду несоблюдения положений статьи 2 в совокупности со статьей 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции (пункт 9.7 Мнений).

Комитет также принял к сведению представление государства-участника об осуществлении им различных программ в целях поощрения равенства женщин и мужчин в обществе, однако указал, что государство-участник не предоставило какой-либо информации о связи этих программ с положением девочек – жертв сексуального насилия и в особенности с делом дочери автора. В частности, не было представлено никакой информации о мерах по борьбе с сексуальным насилием в отношении женщин и девочек и по ликвидации последствий такого насилия, затрагивающих осуществление закреплённых в Конвенции прав. В связи с этим Комитет счел, что государство-участник нарушило права дочери автора сообщения применительно к статьям 2 и 15 Конвенции (пункт 9.8 Мнений).

Комитет также отметил, что государство-участник не представило никаких объяснений по поводу длительности досудебного разбирательства и, в частности, не ответило на вопрос, почему до предъявления обвинения совершившему деяние лицу прошло почти 2 года. Комитет установил: несмотря на наличие решения суда по гражданским делам, вынесенного в пользу потерпевшей, на сегодняшний день она не получила адекватной денежной компенсации за причинённые ей боль и страдания и что созданные государством-участником правовые механизмы, как представляется, не способны были обеспечить ей получение такой компенсации³² (пункт 9.9 Мнений).

Комитет принял к сведению жалобы автора, в соответствии с которыми: государство-участник не обеспечило принятие правовых и политических мер, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, в целях борьбы против насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств над девочками,

³² Представленные автором документы свидетельствуют о том, что до сегодняшнего дня ее дочь получила сумму, эквивалентную 500 евро, хотя автор и ее муж истратили 3000 левов (1500 евро) только в рамках исполнительной процедуры.

а также надлежащие медицинские услуги; государство-участник не обеспечило профессиональную подготовку персонала по особым случаям сексуального насилия; в результате насилия, пережитого дочерью автора, с медицинской точки зрения она считалась лицом с ограниченными возможностями; государство-участник не обеспечило оказание надлежащих особых медицинских услуг. Комитет также учел заявление государства-участника о том, что социальные работники из служб «защиты детей» инициировали по месту жительства «наблюдение за ребёнком» в ходе судебного разбирательства, что согласно поставленному диагнозу девочка включена в категорию лиц с ограниченными возможностями, что её перевели в специальную школу для таких детей и что с ребёнком проводил работу школьный психолог. Вместе с тем Комитет обратил внимание: автор оспорила утверждение о том, что социальные работники занимались делом её дочери. Комитет далее констатировал, что государство-участник не представило информации в отношении каких-либо правил оказания медицинской помощи ребёнку и процедур, касающихся пребывания в больнице, или медицинских услуг, предоставленных дочери автора сообщения непосредственно после совершения акта сексуального насилия, жертвой которого она явилась, и что весьма скудная информация была представлена в отношении оказанных потерпевшей медицинских услуг для устранения долгосрочных последствий насилия. Комитет пришел к выводу о том, что государство-участник не смогло обеспечить исполнения и применения политики, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, для устранения последствий сексуального насилия, пережитого потерпевшей, и что оно не обеспечило оказание надлежащих медицинских услуг в её случае, и в связи с этим считает, что государство-участник нарушило права дочери автора сообщения применительно к статье 12 Конвенции (пункт 9.10 Мнений).

В отношении жалобы автора на нарушение прав её дочери по статье 15 Конвенции Комитет отметил представление государства-участника, согласно которому суд по гражданским делам вынес решение в пользу истца и присудил выплату компенсации в счёт возмещения морального ущерба дочери автора, однако отметил, что государство-участник не обеспечило эффективное исполнение этого судебного решения. Комитет указал на то, что государство-участник не обеспечило наличие надёжной системы, позволяющей выплачивать эффективную компенсацию жертвам сексуального насилия, в том числе компенсацию морального ущерба, и что в государстве-участнике не существовало какой-либо схемы правовой помощи в рамках исполнительской процедуры даже для жертв, которые входят в категорию лиц с ограниченными возможностями из-за пережитого сексуального насилия, таких, как дочь автора сообщения. В связи с этим Комитет резюмировал, что право жертвы на эффективную

компенсацию нанесенного морального ущерба по пункту 1 статьи 15 в совокупности с статьей 2 Конвенции было нарушено (пункт 9.11 Мнений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства и таким образом нарушило права дочери автора сообщения по статье 2 в совокупности со статьями 1, 3, 5, 12 и 15 Конвенции (пункт 10 Мнений).

Переведенные на русский язык тексты Общих рекомендаций и Мнений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

Режим доступа:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.